

Ты мой трофей

Автор:

Джули О'Мэлл

Ты мой трофей

Джули О'Мэлл

Юлия Динэра

Он собирает трофеи в виде женщин, я собираю деньги на операцию младшего брата и работаю на двух работах. Он носит дорогие костюмы и ездит на неприлично дорогих автомобилях, я ношу джинсы и футболки с изображениями животных и дурацкими надписями и езжу в метро. Мы бы никогда не заговорили даже, если бы не моя неуклюжесть и привычка попадать в нелепые ситуации. Теперь он смотрит на меня, как на кусок живого мяса и объект, который можно «поставить на полку», как трофей. Я его проект, он – мой способ помочь брату. Сможем ли мы найти грань между деньгами и похотью? Содержит нецензурную брань.

ЮЛИЯ ДИНЭРА

ДЖУЛИ О'МЭЛЛ

ТЫ

МОЙ

ТРОФЕЙ

Все события и лица, описанные в книге, не имеют ничего общего с реальными людьми и выдуманы автором. Все совпадения случайны.

В оформлении обложки использована фотография с хостинга– <https://pixabay.com> (<https://pixabay.com>)

Он собирает трофеи в виде женщин, я собираю деньги на операцию младшего брата и работаю на двух работах. Он носит дорогие костюмы и ездит на неприлично дорогих автомобилях, я ношу джинсы и футболки с изображениями животных и дурацкими надписями и езжу на метро. Я не выгляжу, как один из его трофеев, он не выглядит, как тот, кого я могу заинтересовать. Мы бы никогда не заговорили даже, если бы не моя неуклюжесть и привычка попадать в нелепые ситуации. Теперь он смотрит на меня, как на кусок живого мяса и объект, который можно «поставить на полку», галочку в его портфолио «Похититель тел, укротитель смазливых мордашек и никчемных дур». Я его проект, он мой способ помочь брату. Сможем ли мы найти грань между деньгами и похотью? И не останется ли в этой грани разбитых сердец?

Глава 1

– Аполлон на горизонте!

Познакомьтесь: Наталья Грошевская – секретарь отдела службы безопасности, ее коронная фраза «Аполлон на горизонте», «ярко-красные ногти – залог успеха» и любимая укладка «Дитя девяностых». Она появляется у моего стола, как по расписанию в 8:29 и ни минутой позже, даже если меня нет на месте, она все равно приходит «за скрепками», ее офис расположен по соседству, но наш босс не проходит через него каждое утро, поэтому Наташа ошивается тут. И я дико сомневаюсь, что ему вообще есть дело до того, что тут происходит, до того, какого цвета у нас ногти, волосы или как сильно выкатывается наружу грудь Натахи при каждом «удобном» случае. Сегодня она влетела так, что ее ноги остановились на пару секунд позже, чем все остальное тело.

– Скрепки? – Я уже приготовила для нее одну коробку, зная, что придет, якобы за ними. Конечно, я должна делать вид, что долго их ищу, пока начальник вальяжно курсирует вдоль широкого длинного офиса к своему кабинету, конечно, я должна слушать дурацкое хихиканье Наташки не имеющее ничего общего со здравым смыслом, но сегодня я не в духе. Я протянула ей коробку,

ожидая, что та ее возьмет, но в ответ она лишь начала зловеще хихикать, когда дверь позади нее распахнулась и, вошел он. Я краем глаза взглянула на его высокий силуэт и заметила, что нас тут он вообще не замечает, а еще то, что он не один. Наташка продолжала что-то бормотать и хихикать, словно мы тут анекдоты друг другу рассказываем, а я тянула к ней руку, в которой держала очередную ненужную ей коробку со скрепками.

– Не эти. – Процедила она сквозь зубы.

– Но других у меня нет. – По правде говоря, я дико устала от этих игр в скрепки.

– Найди. – Рыкнула она. – Здравствуйте. – Тут же заверещала, будто только заметила, что начальник в зале, а я в это время полезла под стол, чтобы нащупать нижний ящик, где хранится вся канцелярия первой необходимости. Переглянувшись с Идой, которая печатала что-то на компьютере, почти не поднимая головы, я тоже хихикнула, хотя это было больше похоже на то, словно я икнула.

– Все в порядке, дамы?

Кажется, я снова икнула, ах, нет, это дурацкий смешок Наташи. И стоп. Что? Он остановился. Наш босс, ага. Сердобольный важный индюк. Как раз в тот момент, когда я вставала из-под стола, стукнулась башкой о столешницу и ойкнула, затем замерла, не выползая, когда в помещении раздалась тишина, и кажется, слышно было только мое дыхание, и слышали его, наверное, на другой планете. Чувствую себя глупо. Не буду высовываться отсюда, пока не уйдет. Думайте, что хотите, у меня социофобия развивается, когда такие вот в радиусе метра. Но, слава Богу, Натаха подросла и нарушила тишину.

– Да, Владислав Романович, скрепки закончились. Ида, дорогая, не могла бы ты одолжить парочку, а то ЭТА будет год капаться. – Она снова по-дурацки хихикнула и, ее каблук цокнул в направлении к столу Идки. К слову: Ида Григорьева наш секретарь, мозг офиса и моя, точнее кто-то, кто отдаленно напоминает подругу. А я? А я девочка «принеси – подай». Вообще-то курьер, развожу документы, всякие там письма, важные бумажки, а еще слежу за канцелярией в офисе. Мой небольшой столик, вечно заваленный бумагами, которые я часто не успеваю развезти из-за отсутствия машины, находится в углу приемного отделения босса, и если шире распахнуть дверь то, ни столика, ни

тем более меня видно не будет. Чуть подальше от меня работает Ида за здоровенным ресепшеном, из-за которого ее, кстати, тоже почти не видно. Разве только с моей стороны, а меня так тем более за ним не разглядеть, я сантиметров на десять ниже нашего секретаря и не ношу каблуки, от слова «никогда», но зато, я частенько подменяю Идку по вечерам, когда ей нужно уйти пораньше, чтобы забрать малого из сада. Это обычно мало, кто замечает, особенно наш босс, тот самый, который только, что ушел, судя по тяжелым уверенным шагам и цоканью каблуков его милой спутницы. Ура. Воздух. Я могу вылезти из-под стола. И нормально потерять ушибленную макушку.

– Ты видела? Ты видела! – Завопила Наташка.

– Угу. – Промычала я в ответ, выискивая в сумке печенье, которое не успела съесть с утра дома. – Очередная пассия.

– Тьфу на тебя, Макаренко, я про костюм. Видела у него новый костюм? Божественно сидит. – Натаха громко вздохнула и на секунду прикрыла глаза, я усмехнулась, засовывая в рот клубничное печенье, почти давясь им.

– Будто ты не говоришь так про каждый его костюм.

– Шикарный мужчина. – Еще один вздох, немного короче и глубже. Ей-богу скоро заведу отчетную книгу: «Вздохи Наталья Грошевой по «Аполлону» Романовичу». Один короткий, два уставших, один тяжелый, один поглубже, два уставших и отчаянный.

– Угу. – Протиснувшись между столиком и стопой испорченной бумаги, которую Ида решила, что может складывать у меня за спиной, я пробралась к кулеру, чтобы запить застрявшее в глотке сухое печенье.

– Скажи честно, ты лесбиянка?

– Что? – Я даже поперхнулась. Что-что, но это в голову как могло прийти?

– Ну, правда, ты никогда не говоришь о мужчинах. У тебя вообще был парень?

– Ну да.

– Когда? В пятом классе? Расскажи, как он носил тебе до дома портфель.

Я прыснула. Тоже мне.

– Мне это не интересно. Сейчас.

– Отвали от нее, Наташ. – Наконец, хоть что-то донеслось от Иды, которая не прекращала стучать пальцами по клавиатуре.

– Тебе не нравится Влад. – Упрекнула Наташа, словно наш начальник ее личное достижение.

– Какой смысл обращать внимание на того, кто на тебя даже не посмотрит. – Получилось резковато.

– Это ты на что намекаешь?

– Напекаю, что тебе пора прекратить приходить «за скрепками».

– Ты просто завидуешь. Тебе нужен член. Мужик желательно, чтобы тоже прилагался, но на первое время.

– Фу. Остановись. Избавь меня от своих сексуальных фантазий.

Разговор казался бессмысленным, особенно после того, как раздался телефонный звонок в кармане моих штанов. Мама. Шутки о членах и лесбиянках в сторону. Мы не созваниваемся слишком часто, чтобы спросить друг у друга: как дела? Обычно мать звонит по двум причинам: нужны деньги, что-то случилось с Егоркой, и вторая мысль всегда вызывала волну страха во мне еще до того, как я брала трубку.

– Привет, мам.

– Кира, детка, ты на работе? Прости, что отвлекаю. – Голос мамы, как всегда виноватый, но не слишком обеспокоенный, можно выдохнуть, Егор в порядке.

– Все нормально, мам.

– Мне очень неудобно, я знаю, что ты уже высылала в этом месяце.

Я вздохнула. Почему всегда, когда моя мать просит деньги, звучит так виновато?

– Сколько?

– Егорка проходил обследование, ты же знаешь, я занимала у.

– Сколько, мам? – Я злилась не потому что жалела для них денег, а потому что все, что я зарабатывала, откладывалось на операцию Егора и мое существование.

– Тринадцать.

Блин. Я закрыла глаза и набрала в легкие побольше воздуха. До зарплаты две недели, я почти на нуле, нужно заплатить коммунальные, а еще я до сих пор Иде должна с прошлого месяца. Придется влезть в деньги на операцию, а затем докладывать в два раза больше. Ладно. Будто у меня есть выбор. Возьму приват. Два привата. Черт с ними со всеми, принципами. Подумаешь.

– Перешлю в течение дня. Как Егорка?

– Спит, я скажу, что разговаривала с тобой, дорогая. Он спрашивал, когда ты приедешь к нам.

В груди кольнуло.

– Скажи, что скоро. Передай, что люблю и крепко целую и обещаю привезти большую игрушку в следующий раз.

Отстой в том, что я не знала, когда смогу выбраться к матери и Егору, совершенно в другой город, это ударит по моему карману, если я пропущу хоть одну смену в клубе.

Короткое «спасибо» последовало в трубке. И тишина. Она как обычно больше ничего не хотела сказать.

– Пока, мам. – Два слова, нажатие красной кнопки. Ничего не меняется.

Когда разговор был окончен, я сунула телефон на место и заметила, что две пары глаз уставились на меня, даже Ида оторвалась от работы.

– У меня нет денег. – Она знает, что когда звонит моя мама, это означает, что пришло время выворачивать карманы, а так как обычно к середине месяца денег у меня почти не остается, я занимаю у Идки, слишком часто.

Я выдохнула и собрала со стола документы и папки с письмами, которые должна была отправить еще на прошлой неделе. Некоторые из них были вчерашним числом с пометкой «СРОЧНО», так наш секретарь дает мне понять, что это нельзя откладывать на несколько дней, как у меня часто получается. Срочно, так срочно.

– Я знаю. И я верну тебе долг на днях, после выходных, скорее всего.

– Я подожду, ты ведь тоже выручаешь меня. Кстати, успеешь к пяти вернуться? – Она кивнула на стопу бумаг, которую мне нужно развезти сегодня.

– Думаю, да. Подменить?

– Да, Саня работает до восьми, забрать Марка смогу только я.

– Хорошо. – Я пожала плечами. Для меня это нормально. Обычно когда Иде нужно уйти, я занимаю ее место, просто отвечаю на звонки в случае чего, а всю важную работу она доделывает раньше времени, поэтому сегодня с самого утра пыхтит за компом.

– Ладно, девочки. – Взгромоздив на руки коробку со всей сегодняшней работой, я побряхтела к выходу. Все-таки быть мелкой и щуплой огромный минус, особенно если ты курьер без машины.

– Подумай о том, что я сказала. – Пропела Натаха вслед. – Член-ыыы.

Я усмехнулась, ничего не ответив. А что мне на это сказать? Судя по тому, как эта девушка, которой, кстати говоря, уже чутка за тридцать, вздыхает по нашему высокому, мускулистому индюку с карамельными волосами, у нее у самой давно никого не было. И никакая я не лесбиянка. Наверное. Все-таки, мне нравятся мужчины. Я так думаю. Даже если не приходилось влюбляться, у меня был опыт отношений, пусть и очень плохих. Это ведь тоже опыт, да? И я просто не задираю себе планку, как Наташка. Пускать слюни по тому, кто даже наверняка, не знает твоего имени, хотя ты на него работаешь, как-то глупо и не для меня. Поэтому я стараюсь избегать таких мужчин. Таких, как он, на которого я даже не смотрю почти никогда, лишь краем глаза, совсем чуть-чуть, иногда, когда проходит мимо моего столика. В нем метра два росту, и конечно с такой высоты, меня с моими метр пятьдесят восемь, скорее всего не видно. Да и не в росте дело. Я сама по себе незаметная для птиц высокого полета. Его самооценка и статус президента «Корелл клуб», априори не смогут заметить девчонку с хвостом на макушке, выбитыми из него после толкучки в метро, прядями, дурацкими футболками, которые, кстати, для меня вообще не дурацкие, а самые нормальные. В общем, меня не заметно, и я никогда не парюсь по этому поводу. Так комфортнее, быть невидимкой, с огромной коробкой в руке, из-за которой почти ничегошеньки не видно. Не знаю, как я добралась до выхода, еле нащупала кнопку лифта, и вылезла из него, почти даже никого не зацепив, так пару раз пришлось извиниться, а перед кем даже не знаю. Просто извиниться перед тем, кого пнула, это нормально. Хоть никого с ног не сбила, пока что. Или сама не прокатилась носом вниз по лестнице к выходу.

Охранник попридержал мне запасную боковую дверь, чтобы я не лезла через автоматическую и не мешала людям.

– Спасибо.

– Не споткнись. – Охранники на первом этаже единственные из фирмы, не считая Нату и Иду, кто иногда перекидывается со мной словами.

Все пути пройдены! Осталось к метро проскочить, достать карту из заднего кармана – не проблема! Зацепиться за чей-то ботинок, тоже! Все как обычно. Люблю стабильность. Все пути, да не все! Черт меня понес по краю тротуара. Хотела ведь как лучше: не мешать людям, шагать в сторонке, ага, и все равно врезалась в кого-то. Во что-то. Коробка вылетела из рук и, я в попытке ее

поймать, чтоб все «срочные» документы не разлетелись и, не дай Бог не прокатились по пыли, шмякнулась рядом с ней, притормозив лицом у открытой настежь двери автомобиля. Первое правило: думай о себе, а не о каких-то бумажках, тем более не о коробке из-под канцелярии, я могла так и на трассу улететь с моим-то везением. Правило два: не врезайся в маленькие черные блестящие автомобили, они дорого тебе обойдутся.

– Блин. – Я простонала, пытаюсь встать, и пока собирала выпавшие из коробки документы, заметила, как надо мной нависла тень. Вот и здравствуйте – хозяин автомобиля. Я осторожно подняла голову, сидя на корточках и скривила лицо.

– Мне кранты? Клянусь, что не специально. Здесь вообще можно парковаться? Это проезжая часть.

Брюнет склонил голову на бок, и после минутного молчания, расхохотался, раскатисто так, звонко, а мне будто по роже съездили. Он протянул мне руку, я помедлила, но не взяла ее, пододвинула коробку поближе к себе и быстро встала, отряхивая руки от пыли.

– Что смешного?

Я старалась смотреть ему в лицо, не опуская глаз, но не могла не заметить, что выглядел мужчина не намного старше, моих лет, если брать в учет мой настоящий возраст по паспорту, а не то, на сколько я выгляжу. И еще он был каким-то беззаботным что ли, словно уличный музыкант: черные джинсы, серая футболка, край которой был почему-то заправлен в штаны, взлохмаченные волосы, словно после душа полотенцем потерся и пошел, но вот машина говорила о том, что он далеко не уличный музыкант или бродяга не дай Бог. Может хобби? Фетиш? Я думала все крутые дядьки на черных блестящих автомобилях выглядят как. Не знаю. Как мой начальник, например. Деловые костюмы, укладка а-ля «Детка, да у меня лучший стилист в городе», а этому будто и не надо ничего такого. «Я итак выгляжу классно» – наверняка, он так думает.

Мужчина молча, с легкой ухмылкой на губах, обошел меня, наклонился в салон автомобиля, затем обернулся ко мне и что-то протянул, я недоверчиво взглянула на него, прищурив глаза.

– Ты испачкалась.

Ладно. Выхватив упаковку влажных салфеток из его рук, я достала одну, обтерла руки и немного джинсы. Колени саднило под ними, наверное, счесала, но, слава Богу, обошлось без грязи и без крови. Брюнет продолжал смотреть на меня, пока я протягивала ему обратно салфетки, а он не спешил их брать.

– Что?

Он легонько улыбнулся и коснулся указательным пальцем своего носа. И я все поняла.

– О, Господи. – Сказала вслух, ага, и, вытащив еще одну салфетку, отвернувшись и стыдливо начала натирать ею лицо. Супер. – Вот. Спасибо.

Снова не взял.

– Оставь. Вдруг пригодится.

Я нахмурилась. На что намекает? Конечно, тут и намеков не надо, я неуклюжая от рождения, но мне почему-то неловко, когда кто-то вроде него.

– Не пытайтесь меня пристыдить. – Кинула салфетки в коробку и снова водрузила ее на руки, стараясь не пыхтеть, как старуха. – И не паркуйте автомобиль у тротуаров. Давайте к делу, я очень спешу, я помяла Вашу машину и...

Снова улыбка.

– Ты не могла помять мою машину. – Он оглядел меня с ног до головы, ни чуточку того не стесняясь, и я почувствовала себя неловко, что для меня вообще не свойственно, я привыкла к разглядыванию, но наверное, это все-таки имеет свою разницу. – Сколько ты вешишь? Килограмм тридцать?

– Знаете что, Вы не имеете права меня оскорблять, если я Вам ничего не должна, тогда всего хорошего, а если это не так. тогда вышлите мне счет в компанию «Корелл клуб», восьмой этаж, передайте Иде Григорьевой и, я все оплачу. – Тут

я, конечно, погорячилась. А) У меня нет денег. Б) Я боюсь даже представить, сколько стоит эта машина и ее возможный ремонт. Но в любом случае, за все нужно нести ответственность, так меня воспитали.

Он вскинул брови кверху, а я поудобнее приподняла коробку, которая оказалась на уровне моего подбородка и поплелась по своему пути.

– Эй, русалочка, как тебя зовут?

Может, все-таки, удастся избежать кругленькой суммы за эту машинку Кена. Сам оплатит.

– Ариэль. – Я ускорила шаг и вслед услышала лишь смешок, доносящийся ветром.

Рабочий день подходил к концу, я побывала в трех судах на разных концах города, прокуратуре, в фирме «Дамблинг корпорейшен», а теперь осталось вернуться в офис и подменить Идку и, кстати, время уже поджигает, поэтому подруга поджидает меня прямо у входа в офис, с постукивающей о пол ногой.

– Вот ты где. Думала, не придешь.

– Спешила, как могла.

– Я побежала, до завтра. – Она чмокнула меня где-то рядом с ухом, что мне захотелось его почесать в ту же секунду и, в прямом смысле побежала. Дети. Важная миссия. – Ой, чуть не забыла. – Ида притормозила и развернулась на каблуках. – Кофе на столе для босса, выжди пару минут, он не любит слишком горячий.

– Что? – Поняла. И не поняла вовсе. Аж нервы внутри задержались.

– Кофе боссу отопри, что-то.

– Ну уж нет.

– До завтра. – Она послала мне воздушный поцелуй и убежала, а я осталась стоять в коридоре, опешив. Кофе? Боссу? Я? Господь всемогущий. Ладно. Чего я вдруг испугалась? Мужика в костюме? Пусть важного, богатого индюшатника, по которому каждая вторая истекает слюной, да и не только ей. Боженька. Ладно. Ладони вспотели аж. Потерла о джинсы, пока шагала к ресепшну. Всего лишь кофе. А начальник даже не заметит меня, как и обычно это делает. Ухватившись обеими руками за поднос, я выпрямилась и еще около минуты стояла у двери Владислава Романовича. Идка ведь сказала выждать, чтобы кофе остыл, вот и жду. Ну, блиин. Это уже слишком. Вдох-выдох, Кира. Фу-ты, ну-ты, забыла деньги маме перевести. Ладно, сделаю это позже.

Слегка стукнув ногой в дверь. Нет, ну, а что? Руки-то у меня заняты. Я пнула ее. Тоже ногой. Как и ожидалось, важная птица даже головы не поднял, уставился как сноб в свой планшет. Со всем серьезным видом. Будет смешно, если он там в танчики играет. Вот умора. Я даже прыснула от смеха. Вслух.

Один глаз приподнялся из-под брови и, я замерла. Даже перестала дышать. Глаз вернулся на место, и я пошла дальше, отчаянно думая лишь о том, чтобы не споткнуться. А это мое родное! Думать о том, что обязательно случится. Как я и предполагала, босс и не заметил подмены, не смотря на то, что Идка высокая и статная брюнетка с пышными волосами и пышным еще кое-чем, а я так себе, даже за пигалицу не сойду. Как я и думала, мои мысли имеют слишком огромный вес. В тот самый момент, когда я медленно ставила поднос с чашкой кофе на стол, у меня зачесалась стопа, в том самом месте, где многие обычно боятся щекотки, а я-то до жути в детстве орала, когда папа щекотал мне стопы, а потом мы вместе смеялись. Но сейчас не та ситуация, когда можно смеяться, или улыбнуться хоть капелюшечку. Чесалось дико, и я перевернула незаметно ногу и потерла подошву другой ногой. Не очень помогло. Зато помогло подвернуть ее! Ухватиться за край стола, что оказалось подносом, выдернуть его из-под чашки, которая улетела куда-то в сторону.

– Господь всемогущий и все его дети. – Пробормотала я, поднимая голову, сидя на полу. Мои глаза тут же встретились с громометателями босса. А бывают ли вообще глаза такие черные? И злые? Я даже сжалась от страха, когда Владислав Романович подлетел со стула, и мне показалось, будто гром с небес сорвался и мне конец, все, вот он мой час. Но нет. Прийти в себя. Прийти в себя. Я поползла на коленях к столу и схватила первое попавшееся, что на нем лежало, что

способно, хоть как-то исправить оплошность. Я стала судорожно промокать бумагой штаны босса, почти в том самом укромном местечке. Еще чуть-чуть и все, беда бы приключилась. Нет. Чашка у основания бедра приземлилась. Хорошо, что не кипяток хоть. Я продолжала тереть и тереть, забыв обо всем, пока белые катышки от мокрой бумаги не образовались на темно-синих брюках из какой-то приятной на ощупь ткани.

– Простите, ради Бога. – Я терла и без конца бубнила извинения себе под нос, пока не поняла, что на меня вообще-то никто не реагирует. Осознав весь идиотизм ситуации, я остановилась, сжала бумагу в руке, быстро стряхнула катышки с брюк, сглотнув ком неловкости и, подняла голову. Пара удивленных глаз таранилась на меня, словно они НЛО тут увидели. Да ладно, мужик, это всего лишь я. Ну я, та самая, что сидит в углу за кучей бумаг. Не знаете? Не видели? Ага. Неудивительно. Глаза не черные. Перепугалась. Ошиблась. Карие. Яркие такие. С более темной окантовкой, чем радужка, и зрачки расширены. Наверное, оттого мне привиделось. Он смотрел на меня даже не со злостью, хотя ее отсутствие было сложно отрицать, а больше с каким-то любопытством. Мол «кто ты такая и какого хрена испортила мне брюки?». Он это не сказал, но я подумала, что будет вежливо предложить что-то, что смягчит мое положение и, может, избавит от увольнения.

– Я постираю Ваши брюки. – Пропищала я. Брови мужчины взлетели кверху в удивлении. Ладно. Не то. – Химчистка? – Спросить пришлось осторожно. – Я оплачу.

Кажется, лицо босса расслабилось и вместо того, чтобы ответить, он наклонился ко мне, так близко, чересчур, что мне пришлось назад отползти. Что я вообще тут выдумываю? Он выхватил из моих рук бумагу, которую я все еще сжимала в руке, и пару минут назад натирала ею дорогие брючки индюшатника.

– Вы испортили важный документ. – Начальник, развернул нечто, что осталось от белого листа бумаги, посмотрел, затем скомкал и бросил на стол, сложив руки на груди, уставившись на меня сверху вниз, а мне пришлось еще один ком проглотить. И что я должна ответить? Постирать? Химчистка? Тут это не прокатит. Он меня уволит. Точно уволит. Нужно хотя бы уйти достойно, хоть и не очень хочется, а я сижу на полу и хлопаю глазами.

– Кто Вас нанял? – Его голос казался спокойным и даже мелодичным, низким, приятным для такого мужчины, как он. Таким я его и представляла в разговоре.

Хотя, нет. Не представляла никогда в жизни, что этот человек заговорит со мной. Кого я обманываю?

– Я. я. – Ну и где мой голос? Прокашлявшись, я оперлась на руки и все же встала. Владислав Романович проследил взглядом за тем, как я поднимаюсь с пола и на мгновение я заметила, как чертики заплясали в его глазах, когда они остановились на моей груди. Нет, это не то, о чем вы могли подумать. Дело в том, что на том самом месте, на моей бирюзовой футболке, красуется красноволосая Ариэль, купающаяся в водорослях. Просто нужно ответить, убрать эту русалку, куда подальше от его внимания. Я никогда не чувствовала себя так глупо, как в данный момент. Хочется провалиться под землю и никогда не выползть, куда бы ни засосало.

– Вы. Вы меня наняли.

Это конечно спорно, потому что устраивалась я через отдел кадров. Ну, какая разница, раз он здесь начальник? Почти никакой. Ну, ладно, она есть, но совсем крохотная.

– Хмм. – Он провел рукой по подбородку с легкой ухоженной щетиной, над которой, наверное, тоже работали профессионалы, как и над его карамельными волосами, укороченными по бокам и зачесанными сверху назад. – Так как давно, я Вас нанял. Простите, не припомню Вашего.

Конечно, он не знает, как меня зовут.

– Кира. Отдел канцелярии. Работаю полгода. Вообще-то я курьер, но так получилось.

Он взмахнул рукой, уставившись в одну точку, где-то у меня за спиной.

– Я понял.

А я проследила за его взглядом и сразу обнаружила здоровенный стеллаж у стены. Что я ожидала увидеть в кабинете начальника, кроме стола, компьютера, разных непонятных мне, естественно бумаг, наверное, шкаф с такими же непонятными мне документами? В данном случае стеллаж, но уж точно не

набитый этими странными фигурками. Нет. Что? Он примерно в два метра высотой и где-то три в ширину, и на каждом десяти квадратном сантиметре по фигурке в виде. Женщины? Мне не показалось? Нет. Это воск? Выглядело бы отвратительно, если бы не так искусно. Словно каждая из них была сделана с какой-то своей утонченностью, своим стилем, и все они разные, непохожие друг на друга. Мне вдруг захотелось рассмотреть их поближе. Наш босс значит любитель искусства. Фанат восковых фигурок? Скорее всего, просто женский фанат. Но он не выглядит извращенцем, и эти женщины на стеллаже, несмотря на то, что их обнаженность прикрывают лишь длинные распущенные волосы, все-таки они голые. Голые восковые женщины! Господь! Что за. Долго разглядывать и размышлять не пришлось. Низкий голос прервал мои догадки насчет этих восковых фигур.

– Что на Вас надето?

Я оглядела себя с ног до куда смогла, словно в первый раз, и пожала плечами. Черные балетки, немного пыльные, от того, что весь день бегала по городу, а еще шмякнулась один раз, споткнувшись о дверь какого-то ковбоя без шляпы, без лошади, а еще без кнута. Но это не оправдание, вообще-то моя обувь всегда в чистоте. Джинсы? Обычные, обтягивающие худые ноги, немного потертые у пуговицы, но этого не видно под футболкой. с русалкой. А он все продолжал любопытно глазеть. Он, я имею ввиду начальник, Владислав Индюшарович, то есть Романович. Словно ждал от меня еще какой-то нелепицы, кроме того, что уже увидел. На сегодня больше никаких дурацких ситуаций, или вообще на всю жизнь, для этого офиса, по крайней мере, потому что, скорее всего, все эти вопросы и разглядывания закончатся увольнением. Хорошо, что у меня есть еще одна работа, пусть не самая лучшая, и не совсем постоянная, но протянуть на ней можно.

– Я бы сказала, что не успела переодеться, но уже вечер и Вы сами понимаете, что я совру, если так скажу. Когда меня нанимали на работу, то формы никакой не выдавали, я курьер, сами понимаете.

– Но Вы работаете в офисе. – Спокойно ответил босс.

– Иногда, обычно утром и вечером я здесь, да. – Признаюсь, что стала посмелее, когда поняла, что враждебно никто не настроен. Хоть, я и выдумывала себе всякое о злобном высокомерном Индюшаре, сеющим вокруг феромоны страсти и вожделения. На деле оказалось немного проще. И кстати, его феромоны на меня

не действуют. Может я и вправду лесбиянка? Ну, уже нет. Я считаю его привлекательным, и того парня, с чей машиной «поцеловалась» тоже, значит я не лесбиянка.

– Вы сказали, что не выдали форму, я не припомню, чтобы это где-то оговаривалось. Завтра загляну в отдел кадров. – Владислав Романович встал и прошагал к двери, открыв ее.

– Ох, нет. Я ведь не это имела ввиду, мне не нужна Ваша форма. То есть вообще никакая не нужна, мне удобно так носить коробки. Знаете, они пачкают одежду и все такое. – На самом деле, я сама ее пачкаю. Но что мне еще сказать в дополнение к тому, что уже и так очевидно. Я быстро прошагала к двери и остановилась у высокой фигуры, смотрящей на меня сверху вниз. Метр девяносто, не меньше. Я как муравей на фоне слона. – Вы меня уволите? – Все же спросила. Виноватым голосом, таким жалким, скудненьким, но спросила. Мне нужна эта работа, как бы я ни старалась это отрицать, на одном клубе мне не протянуть, а Егору все еще нужна операция.

Снова любопытный взгляд, какие-то искорки и чертики, дающие намек на что-то странное, вроде улыбки? Нет. Что-то вроде того, чего я еще не могу понять. А может вообще не пойму. Словно ребенок, который нашел спрятанные конфеты, словно игрок сорвавший джек-пот.

– Вы всегда так одеваетесь?

– Ну да. Это проблема?

Молчание. Затяжное. Слишком. У меня аж спина зачесалась. А это плохой знак, потому что у меня начинает что-то чесаться, когда я нервничаю, на подсознательном уровне.

– Можете идти домой, Кира.

Я замаялась у порога. Увольнение или нет? Что значит домой?

– Эм.. Ида попросила меня.

– Попросите Иду завтра зайти ко мне с утра.

Блин. Вот что за напасть? И себя подставила и Идку тоже. Он и ее уволит? А меня увольняет или нет? Если так, то и сказал бы. Наверное, завтра решит, в любом случае мне нужно будет еще две недели отработать, пока не найдут нового курьера.

Несмотря на все сомнения шевелящие клетки мозга, я только кивнула в ответ и ушла. Чем больше вопросов, тем ближе потеря работы. В этом я почти уверена.

Глава 2

Мало того, что Идка без настроения пришла оттого, что Саня – ее муж заболел и Марка пришлось отводить в сад самой, из-за этого опоздать на работу, так еще и я подбавила, когда сказала, что начальник попросил ее зайти к нему. Кстати о нашем начальнике, всю ночь не могла уснуть от мысли о том уволят меня или нет. Сначала думала о деньгах, которые перевела на счет мамы и о том, что придется их снова докладывать, а затем об увольнении, о той дурацкой ситуации с пролитым кофе, о «поцелуе» с машиной незнакомца, о Натахе, которая обязательно придет с утра за скрепками. А она и пришла, только вот уйти пришлось быстрее обычного. Наш босс появился на работе раньше 8:29, что бывает редко, и как обычно он даже не взглянул в сторону моего столика, но я все равно, на всякий случай придвинулась ближе к углу, спрятавшись за бумагами.

Мне бы работать пора, а я пальцы кусаю в ожидании Иды из кабинета босса, как благого вестника. Когда она появляется, я выпрямляюсь, как гусеница и жду, пока подозрительный прищур подружки сканирует меня. Она не расстроена, уже хорошо, но озадачена. Ее уволят за то, что она оставила рабочее место на недотепу вроде меня?

– Ну?

– Что ну? – Ида плюхнулась в свое кресло и медленно выдохнула, я таращилась в ожидании чего-то.

– Тебя уволили?

– Что? Нет. – Она фыркнула. Ладно.

– Меня уволили?

Подруга крутанулась на стуле в мою сторону.

– Ты говорила с ним?

– С кем?

– Ты знаешь.

– Неет. – А я все продолжала кусать пальцы.

– Тогда как он передал тебе, чтобы я зашла?

– А, ты об этом. Ну, просто сказал. И все. – Схватившись за сложенные еще вчера документы на сегодня, которые нужно развезти, я принялась машинально складывать их в коробку.

– Кира. – Прозвучало осуждающе. С недоверием.

– Ладно, зануда. Я пролила на него кофе, пришлось разговаривать.

– Ты что. Фак, Кира. Ты. – Она почти прорычала, взмахивая руками. – Как тебя с настолько дырявыми руками только свет носит.

– Так мы не уволены? – С улыбкой на лице переспросила я.

– Нет. Ничего об этом не знаю, по крайней мере.

– Тогда что ты там делала, хм? В кабинете.

– Это моя работа.

– Ну, правда.

– Выполняла поручение.

– Какое? – Мой голос звучал игриво, и намекал он лишь на одно, не заманил ли босс нашу Идочку в свои сети?

– Даже не смей. Нет. Лучше расскажи, как от матери отделалась.

Я пожала плечами.

– Выслала деньги. Как обычно.

– Ты не можешь на нее работать всю жизнь, тебе даже двадцати пяти нет, а ты фигачишь, как проклятая.

– Ты же знаешь, что это для Егора.

– Знаю, но. Наташка права, тебе нужен мужик.

– Что? И ты туда же!

– А что, это решит все твои проблемы, и в отличие от Натахи, я не о членах говорю, хотя это бы не помешало. Тебе нужен мужик, стабильный, с деньгами.

– Нет. Я сама решаю свои проблемы.

– Не считай постыдным принимать чью-то помощь, это нормально.

– Но я принимаю, твою, например. – Да, Ида часто меня выручает деньгами, я конечно все возвращаю, но не всегда в обещанный срок.

– Я не об этом и ты знаешь.

Наш разговор прервал мужчина, появившийся в дверях с коробкой похожей на те, что я таскаю ежедневно.

– Отдел безопасности не подскажете?

– Соседняя дверь. – Я кивнула. Мы с Идкой переглянулись. Что там в коробке? Обычно их мне таскают, я занимаюсь канцелярией, коробки по моей части. Может Наташа заказала себе пылесос, а то говорила на днях, что ее сломался. Ага, прямо на работу.

Было, уже собралась уходить, как Наташка в дверях нарисовалась, красная вся, ноздри раздуваются, ее взгляд сразу же просквозил меня.

– Сегодня не первое апреля, Макаренко. Ты зафига это сделала?

– Прости?

– Не прощаю. Зафига мне притащила этот короб?

– Понятия не имею, о чем ты. – Я постаралась протиснуться мимо нее, но безуспешно, та двинула меня слегка плечом, и не будь у меня коробки с горой документов, я бы шмякнулась на пол.

– Скрепки, дура. Целая коробка.

Кто-то прыснул позади. Ида. И взгляд Грошевой перескочил на нее.

– Это конечно забавно, но я не делала этого. Зачем мне?

– Зачем? А то думаешь, я не вижу, как ты даже молча возмущаешься тому, что я прихожу каждое утро. – Она наклонилась прямо к моему лицу. – На босса запала, а, тихоня? Шиш тебе. Усекла?

Я фыркнула. Ну, хоть кто-то указал на ее идиотизм. Зуб даю, что Идка короб заказала, больше не кому, не я уж точно.

– Дай пройти, Наташ. – Я шагнула вперед, а Натаха цыкнула в ответ, снова перекрывая выход, а затем наполовину скрылась за дверью и пнула ногой короб к моим ногам.

– Забирай это.

Я опустила взгляд на приоткрытую коробку, где большими печатными буквами было написано: «Наталья Грошевская».

– Если ты наивная дурочка, и не понимаешь, что тебе ничегошеньки не светит с Владиславом Романовичем, то можешь засунуть свои скрепки куда. сама знаешь куда! Ты же серая мышь обычная, посмотри на себя, ни сисек, ни рожи. – А вот это уже перебор. Я, конечно, знаю, что я не мисс вселенная, но никто никогда не указывал мне на мои изъяны – футболки с рисунками не считаются! А мне даже ответить на это нечего, только стоять и моргать.

– Наташ. – Протянула позади Ида.

– Что, Наташ? Посмотри на нее. Возомнила тут что-то, я таких, как ты, деточка насквозь вижу. Вся такая из себя скромная девственница.

– Наташ.

– В нашем взрослом мире, девонька, это уже не ценится, на тебя даже сантехник не посмотрит.

Я сглотнула.

– Знаешь, ты права. Я не такая, как ты, не выбеливаю волосы супрой, так, что они скоро отвалятся, не ношу лифчик на размер меньше, чтобы создавать видимость пышной груди. Но я плевать хотела на твоего Владислава Романовича с его шикарными костюмами, с твоими дебильными вздохами и скрепками.

Кто-то прокашлялся позади и, я замолчала, Наташка напряглась и почти позеленела, у меня тоже кровь отхлынула от лица. Упс. Как давно он там стоит и все это слышит?

– Наталья, зайдите ко мне.

Грошевская замялась и попыталась улыбнуться, но выглядело это плохо. Хотя, наверное, она от счастья внутри помирает, оттого, что начальник знает ее имя. А я обернуться не рискнула. Пора уносить ноги – кричало все внутри. Перешагнув короб, я обошла Натаху и скрылась за дверью.

В целом рабочая неделя прошла стабильно, не считая того, что Наташа Грошевская больше не появлялась в нашем офисе, а если и приходила к Иде, то я в это время скакала по городу с коробом документов. Пятница, хотелось бы немного расслабиться, как все нормальные работники, но выходной у меня завтра теоретически. Смены в клубе никуда не исчезнут, сейчас, по крайней мере. Но день хотя бы обещал быть легким, ведь завтра можно поспать с утра. Обещал, да не выполнил! Со вторника я ни разу не попала в нелепую ситуацию, в неловкое положение, ни в кого не врезалась, не пролила кофе на начальника, которого не видела даже последние два дня. И сегодняшний день не предвещал странностей, кроме этой коробки черничного цвета на моем столе.

«Кира. Отдел канцелярии» – Гласила небольшая бирка в углу. Идка уже была на месте, когда я пришла, поздоровалась, не поднимая головы от компа, снова что-то не успевает.

– Ид, это че?

– А?

Я помотала коробкой в воздухе, подруга даже не взглянула, но, кажется, поняла.

– Не знаю, я пришла, это уже лежало.

Ладно. В голове промелькнула одна мысль: проделки Натахи. Ну и без фантазии не обошлось: Таинственный поклонник? Ага, Федор Степанович из первой охранной смены. Медленно приподняв плотную крышку коробки, первое, что я увидела: ткань, белая красивая ткань. Шелк? Сверху небольшой сверток из бумаги цвета шампани. Быстро стянув с него черничную ленту, я развернула его и уставилась в идеально выведенные на нем буквы. «Не хочу больше видеть Вас в этих нелепых футболках. Загляните ко мне после обеда». Что это еще такое? Швырнув на стол бумажку, я принялась, как курица возиться в этой коробке,

чтобы не вываливать ее содержимое наружу и не привлекать лишнего внимания Иды. В голове шумело непонимание, сердце стучало оттого же, но еще и от злости. Нелепые футболки значит? А это что? Рубашка? Брюки? Или что-то похожее на то. Только посмотрите, ни одной ниточки, ни одной задоринки и на ощупь приятно. Дорого, наверное. Я взглянула на Идку, которая даже не обращала внимания на мои копошения, затем покосилась на дверь босса. Это ведь он, да? Больше некому. Отчитал меня за внешний вид значит, а теперь одежду подсовывает. Заглянуть после обеда? Зачем? И что вообще такое «заглянуть», словно старый друг на чашку кофе приглашает. Нет, больше никакого кофе в этот кабинет. Вчерашнего хватило. Затолкав все обратно, я прикрыла содержимое крышкой и сунула под стол, плюхнулась в кресло и сложила руки на коленях уставившись в одну точку. Еще мне тут. Да, дело не в футболках даже. Это он что тут высмеивает вообще, покупая мне одежду? Не надену. Даже не подумаю.

– Чего сидишь?

– А? – Я даже немного дернулась от неожиданности, Идка кивнула на короб с документами. – А, да. Работа.

– Все нормально?

– Угу. – Почесав основание хвоста на макушке (всегда давит эта резинка), я схватилась обеими руками за короб. После обеда. А если не приду? Да и вообще. Обязана ли я? Ну, то есть, да он мой начальник и все в этом духе. Блин.

– Что в коробке-то?

– А?

– Ку-ку, Макаренко, тебе по ушам съездили?

– А, нет, ничего. – Водрузив повыше короб, я быстро смылась из офиса во избежание каких-либо вопросов. А что я должна вообще на это ответить? Босс купил мне одежду для работы? Мне, той самой, которую никогда не видно из-за угла?

Чем ближе время обеда, тем больше я нервничаю, а чем больше я нервничаю, тем больше становлюсь неуклюжей и невнимательной. Пропустить одну ступеньку и чуть не загреметь? Сделано! Сбить с ног школьницу, у которой портфель больше моей коробки? Сделано! Почему я вообще думаю о том, что должна быть там? В офисе. В кабинете начальника. Увольнять меня не за что. Вот и все. В конце концов, моя работа разносить бумажки, а не протирать штаны в кресле. Или я только так думаю. Стараюсь думать, по крайней мере. Будто такая вся уверенная в себе, сильная и независимая. Ага, в это время суток и с этой работой, чувствую себя, как будто только от мамкиной сиськи оторвали, а с мамкой я-то уже пять лет как не живу. Школу окончила и сразу уехала, как только диагноз Егорки подтвердили, меня тут же ветром сдуло деньги зарабатывать. Только вот заработалось немного, на операцию все равно не хватит, и как бы я себя не тешила позитивом, все коту под хвост, хоть под поезд в метро прыгай. Вы спросите, а как же мечты и желания, учеба и все такое, ага. А я все это давно в землю закопала. Балетную школу, мечты о театре, о Большом, между прочим. Мои мечты давно какашкой утерлись в виде моей второй работенки. Знала бы Инна Георгиевна, чем я занимаюсь, ее бы инфаркт хватанул.

И вот будто мне проблем мало, ненавижу телефоны, хоть я конечно и переоценила свою важность нахождения в офисе, и уж подумала, что с работы звонят, потому что обед-то прошел. А я не пошла. Решила так. Не пойду и все. Но это Настька звонит, моя соседка по квартире. Купить корм для Оболтуса, потому что сама она не накрашенная никуда не пойдет. Без проблем! Вернуть деньги за коммунальные. Вот уже проблемка.

– Возьми во внутреннем кармане моей зимней куртки, сколько я должна.

Да, я оставляю деньги в зимней куртке, чтобы потом когда придет сезон, как бы удивиться и порадоваться находке. И ничего в этом нет дурацкого. Вы сами попробуйте.

Пустую коробку пришлось обратно в офис тащить, потому что последнее время, я слишком часто их выбрасывала, осталось две, а следующая канцелярия придет только через неделю. Когда я вернулась, Идка уже домой намылилась, а часы только пять вечера пробили.

– Рано ты. Подменить?

– Не-а. – Она погримасничала в маленькое зеркальце (называет это гимнастикой, якобы от старости спасает), подвела губы алым блеском. – Босс разрешил уйти. – Ну и ну. Сколько тут работаю, всегда ее подменяла, как бы незаметно. – Кстати сказал, чтобы ты зашла. СРОЧНО.

– Да? – Я как-то покривилась. Думала, забыл уже. – И что ему надо?

– Мне откуда знать. – Подруга пожала плечами и якобы чмокнула меня в обе щеки. – До завтра, Макаренко.

– И тебе пока.

Бросив короб в угол, я осталась стоять на месте, ссутулившись и ждать чего-то. Ладно. Просто нужно войти туда и спросить что ему нужно. А еще вернуть черничную упаковку с одеждой.

Фиг с тобой, индюшара, я иду. Ухватив «подарочек», уверенными шажками, потопала к кабинету всея «Корелл клаб», притормозила у двери, выдохнула, стукнула два раза, как воробышек клювиком правда, но должно быть слышно, клянусь.

– Войдите.

Вот, я же сказала, что слышно было. Ну я и вошла, медленно, словно чего-то опасаясь и вот блин рука зачесалась теперь, нервы. Я едва заметно потерла ее о штаны и прошла вперед, ближе к длинному переговорному столу во главе которого сидел Владислав Романович. Он даже не пошевелился, только просканировал лицо взглядом, затем спустила ниже. Вот тупица. Нелепые футболки, говорите? Теперь я даже не знаю, как это назвать. Потому что до этого меня в моей футболке ничего не смущало, большую часть времени ее прикрывала огромная коробка, с которой я везде носилась. Бинго. Так у меня есть еще одна, правда не такая большая, но сойдет. Я быстро перевернула ее и прижала к груди, и кажется вызвала у босса легкую ухмылку тем самым.

– Присаживайтесь. – Он кивнул на стул напротив, я осторожно выдвинула его и присела, коробку все также держала, прижатой к груди. Начальник немного подался вперед, освобождая себя от легкой расслабленной позы и, сплел меж собой пальцы рук.

– У вас какие-то комплексы? – Внезапно поинтересовался он, глядя на коробку. Я покачала головой в ответ. Слишком быстро. Слишком часто. – Уберите ее.

Я невольно послушалась, как под гипнозом, глядя в эти карие игривые глаза и опустила упаковку чуть ниже, за что получила легкий смехок в ответ.

– Ну же, Кира.

– Вы не хотите это видеть. – Мой голос прозвучал жалко.

– Я уже видел, когда Вы вошли.

Ладно. Резко поставив коробку на стол перед собой, я выпрямилась, пусть смотрит. На мою «нелепую» футболку.

– Странно, что Вы так не считаете.

– Что?

– У Вас красивая грудь.

Святые дети Господни. Мы об этом будем здесь говорить? Я сейчас сдохну от стыда. «Ага, а футболку с этой надписью не сдохла носить» – кто-то прочирикал у меня в голове. Ладно. Несмотря на то, что я согласна с тем, что грудь не главное украшение девушки, но надпись действительно грубовата.

– Я Вас смутил. – Босс довольно улыбнулся и немного прокашлялся, словно тут же захотел тему перевести, а я-то как рада.

– Нет, не смутили.

– Нет?

– Нет. – Я еще сильнее выпрямилась, будто было куда. Хорошо, что хоть позвонки не хрустнули от напряжения.

– Вам не понравилось?

– Хм?

– Одежда, что я купил для Вас, Вы принесли ее обратно.

– А, это. Не в том дело.

– Не подошло? Ида была уверена, что это Ваш размер.

– Ида? – Я уставилась на него.

– Да, мне пришлось ее допросить немного. – Начальник приятно улыбнулся, без оскала и кривой ухмылочки. Идка предательница.

– Если бы мне сказали, что носить форму для курьера также обязательно. Я курьер, Вы же понимаете это?

– Все, кто работает в моем офисе – лицо моей фирмы. Я не хочу, чтобы лицом моей фирмы был лозунг «Не сиськи красят женщину».

Снова о моей футболке. Во рту почему-то пересохло.

– В любом случае. – Я подвинула коробку от себя. – Я не могу это взять.

– Почему?

– Просто не могу.

– У вас есть офисная одежда. Дома? Это итальянский пошив. Мне пришлось три дня его ждать. Не хотите же Вы оскорбить меня своим отказом?

Каков подлец.

– Я.

– Примерьте.

– Эмм. – Тот случай, когда слова заканчиваются.

– Я выйду из кабинета. – Владислав Романович встал и вальяжно в своей манере прошагал к двери. – Позовите, когда будете готовы.

Вот блин. Вот влипла. Вот. Что вообще происходит? Здесь? С этим мужчиной? Это что благотворительность такая? Или он пытается самоутвердиться за счет меня. Хотя куда там еще самоутверждаться.

Ладно. Чего уж там. Это всего лишь одежда. Кусок ткани. Видимо, дорогой ткани. Но какая мне разница, правда? Вот бы не подошло. Хотелось бы. Потому что. Не то, чтобы мне не нравилось, а нравится, даже очень. Ткань нежная, хочется лицом в нее окунуться. Блуза оказалась тоньше, чем я думала, и шире, что как раз хорошо смотрелось с узкими черными брюками, в которые я ее заправила. Зеркала нет, но если посмотреть хоть одним глазком то, сразу можно заметить, что влезла я в это все идеально. Брюки оказались немного укорочены, и я, было, хотела выйти из кабинета и сказать, что мне не подходит – мало, но это наверное, слишком нелепо с моей стороны. Я же не деревенщина там какая-то. А может и она. Но начальнику вообще об этом не надо знать. И почему я думаю о том, что он подумает? Мои балетки оказались странным черным пятном на фоне этого новенького прикида, и я подумала, что стоит их в сторону отставить, чтобы не создавать контраст. А теперь ноги босые. Ну ладно. Пошевелив пальцами, с улыбающимися мне с ногтей Чеширских котов, которых Настька налепила, по моей просьбе, разумеется, я прошлепала на пятках к двери, но открыла ее не сразу. Все еще какая-то неловкость во мне присутствовала. Никогда малознакомые люди не дарили мне ничего, тем более начальство. Тем более человек, который перед своим носом никого никогда не видит, кроме тех дам, которые часто бывают в его офисе. Я конечно и думаю, что это всего-то партнеры, но девчонки, которые тут работают намного дольше, чем я, утверждают иное. Ну и пусть. Только вот, почему, тогда, номер в гостинице не снять для всех этих дел? Или у босса ролевые игры такие? Может, он психопат? Да, не похож, вроде.

Дверь открыть, все-таки пришлось. Избежать маскарада не удастся. Я немного выглянула и босс сразу же обернулся. Сначала моя голова показалась, а потом дверцу пришлось шире распахнуть, чтобы хозяина кабинета впустить. Отойдя в сторону, я пропустила босса вперед, взгляд которого сканировал мое лицо, мне

даже некомфортно стало, хотя если подумать, куда еще не комфортней. Владислав Романович вернулся на свое законное место, а я приблизилась к основанию стола, ожидая чего-то, сама не знаю чего. И то, как он разглядывал теперь меня. Было что-то неприличное, будто я вишня с торта, даже волосы на руках дыбом встали.

– Я Вас запугал? – Внезапно спросил босс.

– Конкретно Вы, нет.

– Скажите тогда, что Вас напугало?

Я нахмурилась. Либо лицом выдаю все свое нутро, либо он дьявол и прокрался ко мне в голову, и теперь может читать мысли.

– Я не привыкла к подаркам от чужих людей. – Пришлось расправить плечи пошире и даже подбородок приподнять, чтоб уж точно не выглядеть овцой. Не привыкла к подаркам от чужих, особенно от индюшар – начальников, которые в тридцать три с хвостиком (да, я откуда-то знаю его возраст), даже, наверняка, не задумываются о женщине, как о нечто большем, чем ее половые органы.

– Но это не подарок.

– Нет? – Вот теперь я чувствую, как кровь приливает к лицу. Обычно меня трудно смутить, но если честно, то я не очень понимаю всей этой ситуации.

– Нет. – Босс колко улыбнулся и наклонился под стол, что-то оттуда доставая, затем вальяжно прошагал ко мне, а я пока стояла, как вкопанная и пялилась на черные лаковые туфли в его руке. Он подошел так близко, что я оголенными руками почувствовала ткань его пиджака, от соприкосновения с которым волосы на теле заплясали. А я сама даже не пошевелилась, только дыхание задержала, даже сама того не сразу осознав.

– Тогда. Эмм. Сколько я должна Вам?

Мужчина хмыкнул и с легкостью опустил туфли на пол, прямо у моих ног.

– Разве такие подарки дарят женщинам? – Он высок, но почему-то его голос был так близко, что я могла ощущать горячее дыхание у своего уха, и у меня по спине странный холодок пробежался. – Не ходите босая. – Босс отодвинулся, в его глазах черти плясали, и я не могла от них взгляд оторвать, во мне даже какая-то злость возродилась. Но я не могла слишком долго играть в гляделки, пусть думает, что выиграл, потому что испытывать меня на выносливость его взглядов – не лучшая затея. Я посмотрела на черные изящные туфли на невысоком каблуке. Это продолжалось около минуты, и мне больше не хотелось поднимать головы, и я все еще чувствовала на себе, испытывающий мое терпение, взгляд. Господь, со мной ли это происходит? Что я тут делаю? Еще на прошлой неделе этот индюк даже не знал, что есть такая Кира Макаренко, хотя я тут седьмой месяц работаю и даже отпуск не брала.

– Обуйтесь, Кира, это просто туфли. Я знаю, что вы не носите каблук, но мне гарантировали их удобство. Если это не так, подберем новые.

Я подумала какое-то время, прежде чем позволить себе показать наглость в своем тоне, хотя если бы этот человек не был моим начальником, мой тон показался бы совсем обычным. Но, увы, мы на разных уровнях общения, и я знаю свое место.

– Чего Вы от меня хотите, Владислав Романович, говорите прямо.

– Ужин.

– Ужин?

– Да, поужинайте сегодня со мной. – Он легонько улыбнулся, продолжая сверлить меня глазами.

– Нет.

Мужчина вопросительно вскинул брови, но быстро вернул их на место, а я думала, в очередной раз, сделала ли я что-то не так. Нет. Ничего. В мои обязанности это все не входит.

– Вы не поняли, это был не вопрос.

На секундочку я опешила. Всего на одну. Если продолжать стелиться перед ним то, индюшара на шею сядет.

– Но я дала ответ.

Быстрый смешок последовал сразу.

– Мне нравится, что Вы посмелели. Но не слишком вживайтесь в роль, я этого не люблю.

– О чем Вы?

Босс взглянул на часы на левой руке, затем на меня.

– Я закончу через полчаса, поработайте немного. чем Вы там занимаетесь.

– Мой рабочий день закончен.

– Хорошо. Обуйтесь, пожалуйста, это негигиенично.

– Извините, мне пора. – Я быстро схватила балетки и сунула в них ноги, затем потянулась за своей одеждой, оставленной на стуле, но индюшара оказался шустрее, он перехватил шмотки за секунду до того, как я их взяла. Его внушающая фигура возвышалась надо мной и мне хотелось съездить ему по наглой роже, аж уши загорелись от злости.

– Отдайте.

– Вам придется постараться, чтобы это забрать. – Его ухмылка издевалась над моим терпением.

– Чего Вы хотите?

– Я уже сказал.

– Я не могу, мне нужно идти.

Он не касался меня, но стоял так близко, что мне казалось, будто моя кожа сейчас взорвется от напряжения, я даже как-то прогнулась немного назад, чтобы избежать столкновения.

– Вы замужем? – Спрашивает, но знает, что нет, все на лице написано. Я молчу какое-то время. – Дети?

– Нет, но.

– Вот, Вам некуда спешить.

– Кот. У меня голодный кот. – Это правда. Кот, только, не мой, но голодный. Если Настька просит корм купить, значит запасы Оболтуса закончились, а моя соседка не очень предусмотрительна на этот счет.

Мужчина долго смотрел на меня, изучающе, и я думала рассмеется, и может быть он хотел, но не стал, только отшагнул назад, не прерывая зрительного контакта, не выпуская из рук моей одежды, а в следующую секунду он уже быстрым шагом направлялся к большому полупрозрачному синему окну, и когда открыл форточку он просто вышвырнул в нее мою одежду. А я сначала стояла как вкопанная и глазела, рот приоткрыв, но затем рванула навстречу индюшаре.

– Вы. Вы. Да, у меня даже слов нет. А они бы были, ни будь Вы моим начальником. А вообще, знаете что.

– Не стесняйтесь, Кира, скажите, что думаете.

– Вы.. Даже если Вы меня уволите, я, может, конечно, немного расстроюсь, но знайте, что это также будет один из самых лучших дней в моей жизни, потому что мне не придется видеть Ваше самодовольное лицо.

Он постарался скрыть довольную улыбку, но я все равно ее заметила. Нахал.

– Давайте, уверен, Вы хотите сказать что-то еще.

Я выдохнула.

– Хочу. Но не стану, мне все еще нужны деньги, а значит эта работа. Вы выбросили мою одежду!

– Уверен, бездомным она больше подойдет.

Я бы хотела его треснуть, но это слишком. Иногда мои эмоции зашкаливают, как у ребенка, который не может получить то, что он хочет и сильно капризничает. Я не могу позволить себе таких эмоций. Бить никого не стану.

– Вы поставили меня в тупик, я даже одежду не могу вернуть.

– Вы не должны ее возвращать. Считайте это компенсацией.

– И все? Я ничего не должна?

– Ничего.

Кажется, обстановка трансформировалась в нормальную, но я почему-то сомневалась, что это конец. Боюсь, что только начало.

Медленно отступая назад, к выходу, я глазела на то, как Индюшара Романович провожает меня взглядом, он ничего не говорит, но я вижу. «Мы не закончили, Кира». Я ускоряла шаг и по правде хотелось побежать, но не выглядеть еще большей идиоткой, хотелось сильнее.

Глава 3

– О, Кира, привет, хорошо, что ты раньше, сегодня танцуешь восток, это один из твоих лучших. – У входа в костюмерную меня сразу Алена подрезала, – администратор клуба, миловидная высокая дамочка с грудью четвертого размера. Ей бы на шесте крутиться, тогда все карманы местных «папочек» будут вывернуты. Но это лично мое мнение, потому что, начальство, видимо, считает, что на малявках вроде меня, срубить можно больше. Я не знаю. Просто делаю свое дело.

– Мм. ладно. Только нужно костюм поискать. – Я уж и забыла, когда в последний раз восток танцевала. Но думаю, тело помнит, а это уже хорошо.

– Только танцуешь в ВИП зале сегодня, может и завтра.

Вот вам и легкая субботка, о которой я с утра подумала. Выспалась, поела нормально, с Оболтусом поиграла, беззаботная жизнь таки, ага не тут-то было. В ВИП зале я танцевала однажды, когда Эвелина внезапно «заболела», на самом деле ее рвало всю ночь, а потом оказалось, что она залетела, но не об этом речь. В ВИПке обычно лучшие танцовщицы, для лучших гостей, а я в обычном зале всегда танцую. Многие девчонки рвутся в ту зону, а я не хочу. Некомфортно мне и все. То смотрит на тебя куча глаз, обычно пьяных и всем на тебя пофиг, а то какие-то важные дядьки приходят и под микроскопом каждое движение отслеживают. У меня хоть и балетная школа за плечами, но я все равно не считаю себя одной из лучших здесь. Все-таки это разные вещи.

– С чего вдруг?

– У нас новенькая, Ксюша, и как назло начальство прикатило, не могу я ее в ВИПку отправить, а тебя да.

– Начальство?

– Угу. Самая крыша.

– Сильно скажется на моей зарплате, если я откажусь? – У меня, знаете ли, уже аллергия на начальство за последние дни. Мало мне с одной работой проблем, так еще и это.

– Это скажется на твоём увольнении. В зале главный будет, просто сделай, как умеешь, и все.

– Вот подстава.

– Выше нос, станцуй, как ты умеешь, на полную мощность, больше от тебя ничего не требуется.

– Он старый?

– Кто?

– Начальник.

– Нет. Но не обольщайся и вообще не смотри на него, когда танцевать будешь.

– У него проблемы с этим?

– У тебя будут, если накосячишь. Иди готовься, и увидишь Лору с Аминой, скажи ко мне пусть зайдут.

– Они тоже в ВИПку?

– Они всегда в ВИПке, давай шуруй отсюда.

– Это издевательство. – Я громко выдохнула и поплелась в костюмерную. Лучший способ меня унижить это – поставить танцевать с Лорой и Аминой, я на их фоне, как тринадцатилетняя.

Все шло по плану, то есть, как обычно и меня это радовало. Алена сказала, что хозяин клуба всего лишь проверяет на что идут его денюжки, достойны ли наши задницы этой работы. Признаюсь, было волнительно, особенно танцевать после Амины, экзотической красотки с ногами от ушей. Но в целом, мне было здесь проще, чем таскать коробки по городу и тухнуть в офисе. Здесь я ощущала настоящий воздух, потому что танец это то, для чего я родилась. Мой костюм состоял из длинной юбки с двумя большими разрезами от самых бедер, топа с бахромой и чадры, нахождение которой на моем лице делало меня еще более раскованной, уже секунд через тридцать я и думать позабыла о своих обязательствах, о том, где я, и полностью растворилась в звонкой восточной музыке. В зале был полумрак и вообще казалось, что никого там нет, кроме меня, и я часто пыталась кого-то высмотреть в темноте, хоть Алена и сказала не пялиться на начальника, любопытство играло в свою игру. Когда я закончила последний танец и музыка погасла, в зале раздались громкие одиночные аплодисменты, я видела темный силуэт в тусклом неоновом свете и легкую дымку кальяна или сигары. Быстро поклонившись, я убежала со сцены и

вернулась в общий зал (Администратор велела). Мои рабочие часы до трех, поэтому одной ВИПкой отделаться не удалось, но если честно, я не жалуюсь, мне тут нравится, клиенты адекватные, в трусы никто не лезет, разве что только чаевые за резинку засунут, но я привыкла.

Воскресенье предвещало быть тухлым, народ обычно разбегается еще до закрытия, мы отработываем свои часы, но денег в чулках или за резинкой трусов, как правило, меньше. Когда я закончила, Алена нашла меня в костюмерной, как раз в тот момент, когда я с силой натирала губы влажной салфеткой, чтобы избавить их от ярко-алого цвета.

– Не переодевайся.

Наши взгляды встретились в зеркале, а я продолжала натирать, размазанную вокруг губ помаду.

– Почему?

– У тебя приват.

Я замерла.

– Знаю, что ты не берешь их, но это не обсуждается.

Не беру. Никогда не брала, но думала об этом всю неделю. Мне нужно пошевелиться с откладыванием денег на операцию Егора, а я еще матери тринадцать тысяч перевела, а значит, в этом месяце придется доложить вдвое больше и урезать расходы, которые почти некуда уже урезать. Я думала о привате больше, чем того хотела, потому что на самом деле понятия не имела о подводных камнях или тому, сколько мне за них заплатят.

– Сколько?

Алена удивленно расплылась в улыбке, очевидно, ожидая, что я устрою протест.

– Договорная.

– Что значит договорная?

– Босс сказал, сам решит, сколько ты стоишь.

– Босс? – Я офигела, ну, правда. Этого мне еще не хватало. – Почему я? Я имею ввиду, ты уверена? – Конечно, меня терзают сомнения. Я вообще-то не уродка, особенно с косметикой на лице, но в очередь за приватом ко мне не выстраиваются.

– Ты у меня спрашиваешь? Он вообще второй день подряд тут, за время моей работы это впервые, а я тут три года, дорогая. Подотри помаду с носа и шуруй.

– Что танцую?

– Что хочешь.

– Восток?

– Это было вчера.

– Я же говорила мне так проще.

Алена выдохнула.

– Тебе пора избавиться от комплексов, деточка.

Сделаю вид, что мимо ушей пропустила.

– Где он?

– Третья ВИПка, пошевеливайся.

Ладно. Всего лишь часть работы. Ничего из того, чего я еще не делала.

Убрав с лица остатки помады, я натянула вчерашний костюм и уставилась на себя в зеркало. Ну, вроде не такая уж тощая, и в клуб, наверное б, не взяли будь

скелетом.

Дверь приоткрылась, я, было, вздрогнула, но затем увидела Лору – длинноногую блондинку в костюме чудо-женщины. Она плюхнулась в кресло в углу комнаты и закурила сигарету.

– Приват?

– Угу.

– Ну, с почином тебя.

– Ты ведь давно тут работаешь? – Я обернулась, облокотившись на длинный гримерный столик с большим зеркалом.

– Ага. – Лора крепко затянулась и медленно выпустила шквал дыма, наблюдая за ним.

– Босс наш. Тот, что главный.

– Хмм. Тебя начальство заказало что ли?

– Ну, да. Чего удивляешься? Я хотела спросить. Ну, какой он. Ты видела?

Лора усмехнулась, затушила сигарету о пустую пудреницу и оглядела меня с ног до головы. А у меня почему-то сердце не на месте, так волнуюсь, что руки трясутся, словно перед Господом Богом собираюсь выступить, да простит меня он, в таком наряде. Что это я. Жесть. Дурная башка не в ту сторону уже пошла думать.

– Видела. Нахальный. Самоуверенный. Грубый. Но очень обходительный. – Она двусмысленно улыбнулась и подошла ко мне. – Будь осторожна. – Лора потянула за резинку на моих волосах и длинные волосы шелком разлетелись по плечам, касаясь груди и лопаток.

– Что ты имеешь ввиду? – Я стояла как вкопанная.

– Не смей казаться недотрогой. Зацепит – не отделаешься.

– То есть?

– Ты совсем глупенькая. – Ее голос стал таким же печальными, как и ее взгляд. – Таких дурочек по пальцам сосчитать. Веди себя, как шлюха и, ничего тебе не грозит.

– Ну, спасибо.

– Я ж не в обиду, Кир.

– Сама разберусь.

– Потом спасибо мне скажешь. – Прокричала Лора, когда я уже дверью костюмерной хлопнула, пусть и не специально, но вышло, будто так и есть. Я вообще не из обидчивых, но не люблю, когда гадости говорят, пусть они и не подразумевают что-то на самом деле обидное.

Третья ВИПка самая малая из всех, что тут есть, выглядит просто как небольшая кабинка, хотя может мне кажется, что тут так тесно из-за абсолютной темноты. Я чуть не споткнулась у порога, хорошо, что мой костюм подразумевал босые ноги, иначе летела б я дальше, чем видела, а не видела я ничего. Шла наощупь, если можно так назвать перебирание руками воздуха. Снова споткнулась и ойкнула, когда приземлилась в чьи-то сильные руки. Вот он меня теперь оценит. Во сколько? Такую неуклюжую. А я просто собиралась танцевать, только вот музыку все еще не включили, а теплые властные руки сжимали мою обнаженную талию, я аж сжалась вся, напряглась, как один сплошной оголенный нерв.

– Простите. Мне нужно танцевать. – Я попыталась вырваться, но теплые пальцы сильнее вжались в мою кожу. Я не видела, что происходит вокруг, но прекрасно ощущала. Чье-то тело скользнуло мимо меня, руки переместились чуть ниже, я ощутила дыхание у своего правого уха, и поняла, что мужчина обошел меня сзади. По ощущениям, он был вдвое, а то и втрое больше меня. Дыхание обжигало чувствительную кожу и, вокруг было настолько тихо, что я слышала каждый вздох. Мой. И его. Почему свет погашен? Неужели наш начальник настолько уродлив или стар, что не хочет, чтобы его увидели? Чего он боится? Испугать меня? По ощущениям его рук, он не кажется старым, наоборот. Кожа

пальцев мягкая, сила их жесткая и уверенная, как, должно быть, сам хозяин.

– Танцуй. – Низкий шепот, пробравший до дрожи, заставил вздрогнуть. Никто не шептал мне на ухо, в полной темноте, манящим, опьяняющим голосом, дыханием, которое щекочет даже внутри.

– Я.. А как же музыка? – Во рту почему-то пересохло, я постаралась сглотнуть и поняла, насколько громко это вышло, когда мужчина довольно хмыкнул мне на ухо. Его руки скользнули к моему животу, заставив содрогнуться что-то внутри. Нужно перевести тему. Вернуться к танцу. Он не может меня лапать. Не может. Даже если он хозяин этого заведения, даже если моим чертям, которых во мне в помине не существовало, это нравится.

– Танцуй. – Снова повторил мужчина, на этот раз громче и его голос прокрался в какую-то глубь моего сознания, он был таким ярким и, казалось, знакомым. Но это не могло быть так, в моем окружении нет богатеньких владельцев клуба. Я просто перенервничала.

Внезапно музыка ворвалась в кабинку, словно ею управляли с помощью слов или силой мысли. Я закрыла глаза и постаралась настроиться, но эти руки, они мешали не то, что шевелиться, даже думать нормально!

– Вы.. Простите, но Вы мешаете мне работать. – Я вцепилась в его пальцы своими хиленькими ручонками и попыталась расцепить их по очереди. – Я пришла сюда танцевать, но Вы ведь все равно этого не увидите в темноте.

– Мне не нужно тебя видеть. – Шепнул незнакомец. Его хватка ослабла и в следующую секунду, он развернул меня к себе за плечи, будто точно знал, где нужно взять, куда прошептать, даже в полнейшей темноте. Но он не может меня видеть. Это невозможно просто. Да и не в этом дело. Ощущала я себя в угол загнанной овечкой, абсолютно нерешительной размазней, у которой даже дыхалка оказалась паршивой. Меня будто пару километров гоняли по городу туда-сюда. И все от чего? От страха? Тоже мне. Мужиков бояться – в клубе не танцевать. Музыка закончилась, но заиграла новая, та, под которую я вчера не стеснясь исполняла лучший восточный танец, на который только способна. А сейчас-то что? Вообще в темноте я и не то могу.

– Танцуйте же. – Приказ, с выдыханием, просочившийся сквозь мою чадру, едва не коснувшийся губ. Голос до костей пробравший, несмотря на жар, обдавший мое лицо, а до этого ухо и немного основание шеи, у меня мороз по коже пробежался. Я спятила, вот и все. Убежать захотелось, от нахлынувшего волнения и дурацкого предчувствия, но не могла я. Вместо этого просто вытерла вспотевшие ладони о тонкую ткань полупрозрачной юбки с двумя вырезами. Это самый странный танец в моей жизни, самый неловкий, но если я не сделаю этого, то какая из меня танцовщица?

Музыка растворяла меня в себе, и это единственное, что заставляло меня держать себя в руках, когда покачивая бедрами, оголяя ноги до самого основания, кружась в разные стороны и выгибаясь, словно змея только, что сбежавшая из питомника, я случайно задевала человека, стоящего напротив. Мы не видели друг друга, и темнота становилась еще большим проводником для звуков, на которые в обычное время жизни, ты не обращаешь внимания. Учащенное дыхание. Я слышала нас обоих. Потому что настолько близко мы были. И я продолжила танцевать, когда даже оступилась немного и моя спина коснулась горячей твердой груди. Даже сквозь одежду я ощущала это.словно дикое животное заперли в клетке. Я попыталась отстраниться, но грубая рука сжала мое бедро, а затем медленно начала опускаться вниз, по внутренней ее части, я почти задохнулась. Господь всемогущий! И музыка как назло не заканчивалась, словно на вечном репите была. Внезапно в голове голос Лоры прозвучал: «Веди себя, как шлюха.». Что она имела ввиду? Я должна предложить себя ему? Нет, это слишком. Остановить танец, пока чья-то рука сминает внутреннюю часть моего бедра, я не могла, слишком опасно, для мозга, для тела, для всего. поэтому я просто продолжала двигаться, извиваясь, в своей манере. Только теперь мое тело было плотно прижато к мужчине, я ощущала его жар, даже через ткань рубашки, это определенно пробуждало во мне что-то, чего я не знала раньше, но также сильно это пугало меня. Я молилась, чтобы эта музыка побыстрее уже закончилась и, я смогла скрыться в тени, также, как и вошла в нее. Я двигалась медленно и осторожно, но слишком близко я была к запретному и слишком часто мои бедра вырисовывали знак бесконечности вокруг своей оси, задевая чужое тело. Рука на бедре сжалась сильнее, я ахнула от этого резкого движения и оттого, как сильно я оказалась прижата к тому, кто по ощущениям смог бы смять меня, как фантик от конфеты.

– Не испытывайте меня. – Голос получился сжатым и надрывистым, но я распознала в нем нотки приказа и даже какой-то угрозы, а также, Господом клянусь, я уже слышала его прежде. Только где.

– Я ничего такого не делала.

Он хмыкнул, совсем где-то близко, затем его рука мягко скользнула по изгибу моей шеи, по предплечью, вызывая волну мурашек. Прикосновение было легким, как перо, и каждый бы на это отреагировал, к тому же, я же сказала, что кожа у меня чувствительная. В любом случае, расслабляться было лишним. Этот нахал резко схватил мою руку и прижал к чему-то твердому и горячему, по ощущениям. Мать моя женщина!

– Вы сделали это.

– Что Вы себе позволяете? – Я шарахнулась в сторону, как ошпаренная кипятком, а оно так почти и было! Это. Даже ни в какие рамки не входит.

Послышались легкие шаги и, я выставила руки вперед.

– На минуточку. Я не проституткой здесь работаю. Так что, не подходите.

Я пятилась назад, стараясь вспомнить с какой стороны выход, еще же нужно наощупь выбраться отсюда. Вот, влипла теперь.

– Не подходите. – Снова, на этот раз уже более жалким голосом пробормотала я, отдаляясь все дальше и дальше, пока не уперлась в стену. Шаги мужчины стихли и, воздух рядом стал раскаленным. Ничего не видя, я будто овладела какими-то новыми способностями, чувствовать на расстоянии, чувствовать все обостренно. Я вжалась в стену, когда щекочущий горячий воздух вновь прокатился по моей коже, сквозь ухо, куда-то в основание мозга, в ту часть, где кнопка: «выключить».

– Выход справа от Вас. – Игриво шепнул голос и, я дернулась, от неожиданности, нахальства, от смеха, пробуждающего что-то, от чего хочется ногами по полу затопотать. Да, что он позволяет! Вот те на! Одной работы чуть не лишилась. А вторая? Божье наказание какое-то.

Из комнаты, все же, вышла, я бы сказала, выбежала. Нервная, вспотевшая и злая отчего-то. Резкий свет сразу ударил в глаза и немного проморгавшись, я помчалась в костюмерную, где, кстати, уже минут через пять меня Алена

настигла. Она стояла в проходе, сложив руки на груди и пялилась, пока я втюхивалась в джинсы, словно ждала от меня чего-то. Объяснений, может? Даже не собираюсь.

– Ты что отсосала ему? – После долгого молчания, взять и вот так вот спросить. Ну что за человек! Мои брови сразу вверх поплыли. – Ну что глазеешь, Макаренко?

– Если он так сказал. Я.

– Не сказал, но ясно дал понять, что вернется снова. Какого черта, Кира? – Она перешла на шепот. – Нам, конечно, всем очень хорошо, когда начальство счастливо, но ходить на цырлах перед ним все выходные, как-то не по приколу. Он раз в полгода раньше приезжал.

– Я ничего не сделала.

– Узнай получше, что все-таки это было и больше так не делай.

– Сколько. Сколько он заплатил? – Да, этот вопрос, как ни мелочно бы прозвучало, интересовал больше всего. Если он вообще заплатил.

– Сказал, что расплатится с тобой лично. В следующий раз.

Вот и приплыли. У меня чуть глаза не выкатились на пол и уши вспыхнули. Напасть какая-то. Точно.

Глава 4

И напасть не приходит одна, и это я не о том, что в Понедельник, я как обычно, словно огурец из банки, после смены в клубе. И вот уж странно, но спустя неделю, я теперь удивлена, что Натаха к нам заглянула, а раньше бы удивилась, почему это ее нет.

Идка сидела, откинувшись на спинку кресла и почти не моргала, глядя в потолок.

– Эй, привет, предательница. Что тут такое происходит? – Это я имела ввиду шум в кабинете начальства и Натаху, прилипшую ухом к двери кабинета Владислава Романовича.

– Это с восьми утра продолжается. Работать невозможно. Подожди, как ты меня назвала?

Она выпрямилась и уставилась на меня.

– Да так. А кто там орет?

Раскат мужских голосов было слышно от самого лифта. Начальство в гневе. Ухх, интересно на кого срывается?

– Ты назвала меня предательницей, Макаренко.

– Ты сказала боссу размер моей одежды, что еще ты ему рассказала? – Я наклонилась и перешла на шепот, потому что уши Наташи Грошевой, которая уже шагала в мою сторону, могут слышать тебя даже с Марса.

– Он спросил, я сказала. Не вижу проблемы. – Идка пожала плечами и снова откинулась в кресле.

– Привет, мышонок. – Ядовито пропела Натаха. Это должно было меня зацепить? Я улыбнулась.

– Скрепки закончились?

– Гадина.

Голоса в кабинете стихли и мы все втроем замерли, когда дверь начальника открылась и, оттуда вышел высокий брюнет с полным бардаком на голове и такой уверенной походкой, словно у себя по дому расхаживает. Наши взгляды на мой страх и ужас встретились. Что он тут делает? Неужто, пришел меня искать,

ну, чтобы за тот случай, когда я споткнулась о дверцу его машины, спросить. Вот дура, сказала, где работаю. А ему теперь и не докажешь, что сам виноват, нечего своими «крыльями» размахивать там, где люди ходят. Странная штука психология мозга, вот увидела парня на богатой тачке и все, ярлык «Богато до неприличия» присобачен, но выглядит-то, как студент ей-Богу, если бы не уверенная походочка, взгляд на миллион долларов и ухмылочка «Ну, приветики». Да и джинсы видно, что не с рынка и футболка, наверное, фирменная. Ботинки высокие кожаные, должно быть, тяжелые. В дверях уже Владислав Романович нарисовался – краем глаза заметила, а я продолжала виновато моргать, глядя на незнакомца. Кранты мне, кранты мне. Я вжалась сильнее в стул и едва заметно (надеюсь), откатилась назад, чтобы, как обычно спрятаться за стопкой бумаг. Почему к начальству пошел, кретин? Теперь меня уволят? Наверное, тоже важная птица, которой пигалица «крыло» помяла. А вот и не мяла я ничего, пусть докажет.

Он ухмылялся мне пока шел, и сканировал мое, наверняка, перекошенное от ужаса лицо. На первый взгляд, показалось, будто он тоже удивлен был меня увидеть, но затем ясно дал понять, что знал, как меня найти. А девки в это время тоже на меня тарасились, и показалось, будто гордый павлин хотел остановиться у моего стола, пока не послышался озлобленный рык со стороны кабинета босса, я чуть не подпрыгнула, отчего знакомый незнакомец даже усмешкой меня наградил перед тем, как за дверью офиса скрыться.

– Наталья! Вы плохо расслышали на прошлой неделе? Или скрепки закончились? Я могу еще заказать. – А это что касается того самого рыка начальства. И что? Скрепки? Ну, вот те на. Кажется, Натаху теперь тоже перекосило, будто целый лимон без сахара сожрала. Ее взгляд заметался по всем нам, после чего она тихо извинилась и скрылась за дверью. Мне даже жаль ее стало. Я никогда за все полгода (пусть не много), не слышала, чтобы наш босс вообще на кого-либо кричал, или его ноздри раздувались от злости или Натаха была на грани разреветься.

– Кира, зайдите ко мне. – Он постарался смягчить тон, мне так показалось, но я все равно ощутила на себе сквозняк, пробирающийся по позвоночнику, от серьезности индюшиного тона.

– Я?

– Да. Сейчас. – Он скрылся за дверью, оставив ее приоткрытой, а я уже начала придумывать отговорки, чтобы поскорее смыться. Мол работы много, надо ведь еще короб собрать, рассортировать все по датам и местам назначения, чтобы потом не ковыряться в документах и не искать на дне то, что должно лежать сверху. Идка проводила меня настороженным взглядом, пока я натирала ладони о темные узкие джинсы.

Войдя в кабинет, я тихонько прикрыла за собой дверь и словно прилипла возле нее. Босс мельтешил у окна, затем повернулся ко мне и глазел с минуту. Лицо его говорило только об одном: вулкан готов к извержению.

– Мне бы работать идти. – Проямлила я, нервно затягивая резинку на волосах, потуже.

– Вы сегодня все разом решили мое терпение испытать?

– Не понимаю.

Босс прошагал к своему столу и медленно опустился в кресло, не сводя с меня взгляда. Злость на его лице все еще не отступала, но мне было заметно, как он старается, правда. Интересно, о чем они спорили с тем парнем, не из-за того же, что я в его машину врезалась?

– Что на Вас надето, Кира?

Жар хлынул к лицу. Вот оно что. А что на мне надето? Темные джинсы – выбирала из того, что есть, самые невзрачные, как и положено для офиса, и испачкать сложнее. Футболка. Обычная. Белая. Ну, совсем обычная, если только желтого слоненка с левой груди убрать. Повторюсь: для меня ничего необычного.

– Я старалась.

– Вы старались? У Вас плохо со слухом или с головой?

А вот этот разговор мне уже совсем не нравился.

– Знаете что. Может, это моя единственная радость в жизни? А вы ее забрать хотите.

Владислав Романович протяжно выдохнул, после чего, его тон показался не таким резким, как до этого.

– Где Ваша форма?

– Дома.

– Дома. – Повторил он и фыркнул себе под нос. – Вы самый беспечный человек, которого я встречал, Кира. – Знал бы, как ошибается насчет моей беспечности. Может, мои футболки и делают из меня дурашку, но все, чем я занимаюсь, любая работа за которую берусь, выполняется ответственно настолько, насколько я это могу сделать ради Егорки. Его мышечной атрофии уже ничего не поможет, кроме дорогостоящей операции для поддержания мышц, и это даже не поставит его на ноги, но немного жизнь облегчит и возможно продлит. Я на это и надеюсь, копя деньги. Да и выбора у меня особо нет, диагностика проведена, операция назначена на декабрь, только вот первый взнос мы так и не оплатили.

– Но, возможно, поэтому Вы мне и нравитесь.

Вот и приехали. Я точно глухая или с головой плохо.

– Простите, мне нужно работать.

– Мое предложение все еще в силе.

– Какое?

– Ужин. Вы поужинаете со мной, Кира? Сегодня.

Я немного замаялась. Вот настырный. И чего ему надо? Увольнять не увольняет. И что делал тот тип у него в кабинете? Может, если я таки соглашусь на это подозрительное приглашение, мне удастся разузнать хоть что-то? Ну и, на крайний случай, отвязаться от начальника. Все равно со мной ловить нечего. Светских бесед я не веду, одеваюсь, как подросток, спотыкаюсь о собственную

тень. Этот ужин поставит жирную точку. Вот и все. Я снова стану незаметной Кирой Макаренко, чье имя забудется уже через пару дней.

– Так это вопрос?

– Теперь это вопрос.

Я не хотела улыбаться, но все равно, во мне заиграл маленький «таракашка-победитель».

– Тогда, я поужинаю с Вами.

И вот теперь вместо того, чтобы сосредоточиться на работе и этой дурацкой коробке, которая постоянно соскальзывала с рук и норовила упасть, я терзала себя мыслями об этом УЖИНЕ. Куда мы пойдем? Зачем? Я даже думала о том, что буду заказывать. А, может, вовсе ничего, даже если буду очень сильно голодная. О чем я должна с ним говорить? И как я вообще, обычная смертная, оказалась, приглашенной на ужин боссом, который вопреки всем моральным устоям умудряется по две женщины в день в свой кабинет приводить. И долго-долго там с ними разговаривать. Это мне Идка все рассказала, а раньше еще и Натаха, иногда я сама видела. А в пятницу никого вроде не было, тоже Идка на ушко шепнула. Только вот на что мне это все надо?! Не надо, нисколько!

Я – не я, если не сделаю по-своему. И думала рискованно и думала, откажется. Но разве это мои проблемы? Не я на ужин просилась. Да, и глядя на свой прикид, только одно место на ум приходит. И вообще мне так комфортней, а индюшара в костюме пусть тухнет в ресторане быстрого питания. Не мои проблемы! Зато я точно знала, что это мне по карману. Ну, мало ли, вдруг каждый за себя, а? И что на меня никто косо не посмотрит в ресторане или куда меня там начальник хотел отвести.

Идка уже домой собралась, время-то рабочее закончено, как и мое, а я сидела, кусая губы, в кресле крутилась и таращилась в одну точку.

– А ты чего сидишь? – Звук захлопывающей пудреницы, заставил меня очухаться и, даже на ходу сочинить отмазку.

– А, да, ключи дома забыла, Настька только через час вернется, решила тут подождать.

– Мм.. Ладно, удачи, Макаренко, до завтра.

– Ага, и тебе.

Может тоже свалить, а? Нет, не вариант. Завтра ведь мне все равно придется сюда идти. Поздно уж теперь назад пятками, а убегать так вообще стыдно. Пока я мысли в голове перебирала, босс уже тут как тут возвышался над моим столиком. Злость ушла с лица, а вот вид остался прежним: деловитый, вылизанный и костюмчик отлично сидит. Эх, не зря Натаха вздыхала при каждом его выходе. Шикарно, чего греха таить. Только не всем по зубам. Не мне, точно.

– Кира. Идемте.

Не забыл. Не передумал.

Плелась я сзади, как зайка, которого бросила хозяйка, почти вприпрыжку, но намеренно отставая, чтобы внимание не привлекать, потому что здание офиса еще кишит народом. А босс частенько останавливался и поглядывал на меня мрачно, а затем вовсе стал идти медленнее, а я в свою очередь еще медленнее, пока не врезалась в гору, вероятно, накаченных мышц.

– Простите. – Усмехнулась, как дурочка, а остановившийся внезапно начальник уставился на меня сверху вниз.

– В чем проблема, Кира?

– Может. Может Вы пойдете первым, а я после спущусь?

Он нахмурился.

– У Вас какие-то проблемы?

– Пойдут слухи.

– Вам есть до них дело? Мне нет. Идите рядом, и все. – Мы смотрели друг на друга в течение нескольких секунд, затем я не очень решительно кивнула и устроилась по левую сторону босса, чтобы не привлекать внимание других работников.

– До свидания, Владислав Романович. – Вторил каждый встречный, девушки кокетливо улыбались, а мужчины коротко кивали и, все они потом смотрели на меня. Кошмар какой. Мне конечно пофиг на то, что думают о моих шмотках, я из тех, кто говорит «Не нравится – не смотрите», но все же настрой мой реалистичен, я – никто на фоне своего босса, здесь я серая мышь и чувствую себя также, чего не могу о клубе сказать. Конечно, никто из офиса не знает, чем я по ночам в выходные занимаюсь, но это не значит, что я стесняюсь или что-то еще, это просто другая часть моей жизни. И может кто-то подумает или даже скажет, что это не презентабельно, сочтет меня проституткой, раз я по ночам танцую, все это совершенно обратная сторона реалии. Когда я танцую, неважно где, неважно когда, весь остальной мир перестает существовать, стоит только глаза закрыть, услышать музыку, которая уносит тебя на своих волнах. Так что ценю я свою ночную работенку не только за деньги, но и за свободу в душе, которую она мне дает. Правда, мой хореограф не оценил бы новых увлечений, старой закалки женщина.

Вот и здание офиса покинули, вот и взгляды закончились и вот-вот даже уши перестанут гореть. Мы остановились у выезда подземной парковки и меньше, чем через минуту к нам белый блестящий массивный автомобиль подкатил с тремя большими буквами на бампере «AMG», из него вышел молодой парнишка лет двадцати, поздоровался и передал боссу ключи. Почему-то именно на такой машине я его и представляла. Хотя, вру. Ни на какой не представляла. Вообще в машинах не разбираюсь, но кажется, она ему подходит. Большая, внушающая уверенность, вылизанная до блеска, ни единой царапинки и цвет хороший. Теперь буду думать, что по машине можно и хозяина распознать. Например, та великолепная черная «малышка», в которую я на днях влетела со слепя – полное отражение ее хозяина, а я, даже, об этом не подумала раньше. Если бы попросили охарактеризовать ту машину, как человека, я бы назвала ее дерзкой, даже немного наглой, властной, умопомрачительной, загадочной. Вот только не подумайте, что я о хозяине такого мнения. Нет уж. Это просто черная машина, и всего-то, а эта, в которую я свой тощий зад усаживаю – белая, в конце концов, это просто машина.

И да, босс согласился на мое сумасшедшее, по его мнению, предложение поужинать в ресторане быстрого питания. Не нравится – езжай в свои дорогие ресторанчики один. Я думаю, он это и без слов понял.

Ресторан был погружен в тишину, несмотря на то, что был вечер и кассы должны были быть переполнены людьми, но этого не происходило. Видимо, в элитном районе, среди офисных высоток и квартир с панорамными окнами, такие заведения не пользуются спросом. Ну, и ладно.

Мы выбрали столик у окна с красными угловыми диванами, предварительно я взяла меню, и когда поняла, что босс не совсем понимает, что находится в ресторане, где нет официантов, я протянула ему меню тоже. Он долго смотрел в него, его взгляд иногда пробегался по моему лицу и, я это знала, несмотря на то, что делала вид, будто тоже долго выбираю. «Ну, давай, не будь индюшарой.» – Хотелось мне сказать.

В конце концов, я выбрала грибной суп и два кусочка обжаренной говядины, начальник остановился на том же самом, и если говядину он еще и поковырял вилкой, то к супу в пластиковой тарелке даже не притронулся. Я старалась делать вид, что не замечаю того, как притворно Владислав Романович пытается дать понять, что все нормально. «Я в своей тарелке, все круто, мясо вкусное, суп тоже». Но потом я все же спросила:

– Не так Вы себе все представляли?

Уголки его губ приподнялись.

– Я рад, что Вам здесь нравится, но в следующий раз место выбираю я.

Я чуть не подавилась этим мизерным куском говядины и хорошо, что хоть ладонь ко рту подставила, иначе он бы просто вылетел. Это отвратительно. У меня даже лицо вспыхнуло от мысли об этом. Следующий раз? Это какая-то альтернативная вселенная или я попросту спятила.

– Я снова Вас смутил. – Его улыбка на этот раз коснулась и уголков его карих глаз, которые превосходно оттеняли карамельные волосы.

Я медленно убрала руку от лица и стала проглатывать мясо, почти не пережевывая его.

– Я хотел принести извинения за то, что выбросил Вашу одежду в окно, но я вижу, что у Вас много других замечательных футболок.

Он играл со мной взглядом, только в какую игру, мне было непонятно. Я лишь продолжала смотреть и искать во всем этом подвох.

– Но теперь Вы не хотите? И пригласили меня на ужин, чтобы сгладить ситуацию, потому что ваше. Эго. Не позволяет Вам.

– Кира. – Перебил он и хорошо, что я не договорила. Слова иногда прямо-таки льются из меня без спросу. – Это было неразумно и, я приношу свои извинения. Я не поэтому Вас пригласил. Лучше расскажите, чем Вы занимаетесь, помимо того, что работаете в моем офисе.

Хорошо, что тема плавно перекатилась в другое русло, но рассказывать о себе не то, чтобы я не собиралась, мне было нечего.

– У меня скучная жизнь, Владислав Романович.

– И все же.

Я вздохнула.

– По вечерам я обычно дома, ухаживаю за котом, который даже не мой, смотрю телевизор, перед сном люблю почитать под тихую музыку. – Ага, а еще по выходным танцую в ночном клубе. Но об этом ему знать не обязательно.

– Какую музыку предпочитаете?

– Любую. Да, абсолютно любую. – Я подалась немного вперед. – Почему Вы делаете вид, будто Вам интересно?

– Но мне интересно. – Он слегка пожал широкими плечами, я снова откинулась на спинку диванчика и уставилась в окно. – Родители? Вы не живете с ними?

Воспоминание о родителях кольнуло где-то под ребрами.

– Мне двадцать три, Владислав Романович. Живу с подругой, отец умер восемь лет назад, мать занимается воспитанием младшего брата. Это допрос?

Мужчина молча смотрел на меня. С интересом. И даже с каким-то. Сожалением?

– Вот только не надо меня жалеть, Владислав Романович.

Одна его бровь на мгновение приподнялась в удивлении.

– Вы совершенно неправильно меня поняли, Кира. И. Можете называть меня Влад.

Я насупилась.

– Нет, не могу.

Кажется, мужчина снова удивился.

– Мне было бы приятно, если бы Вы это сделали. Простите, если чем-то расстроил.

Мне показался он искренним в этот момент, не смотрел больше так, словно играл со мной, и мне вдруг даже стало стыдно, что я так резко поддалась эмоциям и вскипятилась.

– Простите, что поставила Вас в неловкое положение, приведя сюда.

Босс одарил меня улыбкой и взглянул на свою тарелку, затем наколот на вилку кусочек мяса и закинул в рот.

– А знаете, это неплохо. Наталья снова Вам докучает?

Теперь я тоже улыбалась.

– Не могу поверить, что Вы заказали ту коробку. Как Вы узнали?

– Я могу намеренно не замечать многие вещи, Кира, но я не слепой. Единственное, чего я не понимал, как долго Вы намерены с этим мириться.

Я фыркнула.

– Будто Вы вообще знали о моем существовании.

– Я же сказал, что не слепой, к тому же, Вас сложно не заметить. – Уголок его губ приподнялся и, я протяжно вздохнула, хотя знала, что это было лишним, ведь понятно о чем речь.

– Снова будете ругать мои футболки.

– Я не о футболках говорю.

Я застыла на какое-то время, и во рту отчего-то резко пересохло, даже сглотнуть не получилось. Зараза какая-то.

– Схожу за водой. – Когда я встала, босс тут же поймал меня за руку и одним взглядом, заставил сесть обратно. Он как-то странно улыбнулся, словно продолжал удивляться чему-то, изучая меня.

– Я позабочусь об этом. Чего Вы хотите?

– Эмм. – Я пожала плечами. – На Ваш вкус, только не газировку.

Вернулся он довольно быстро и протянул мне большой стакан холодного фруктового чая, себе взял такой же. Мы еще недолго сидели, я всячески делала вид, что мне не интересно знать вообще ничего о нем, потому что он предлагал задавать вопросы, я отказалась. Чем меньше знаю, тем лучше. Конечно, в голове крутились любопытные чертики. Был женат? Дети есть? А еще, внезапно те странные женские фигурки в голове всплыли и тот брюнет, с которым мы встретились дважды, чисто случайно. Я все еще надеюсь, что второй раз был случайностью, как и первый. Порывалась спросить, кто он, но не решилась, подумала: не мое дело. Если им было о чем спорить, значит, они не первый день

знакомы, и я тут вообще не при чем.

А еще мне пришлось назвать свой адрес, так как босс настоял на том, чтобы отвезти меня домой. До квартиры проводить не разрешила. Еще мне не хватало, мало того, что уснула в машине и проснулась от касания теплой руки к моему лицу, и даже не сразу сообразила, где нахожусь и, кто меня трогает вообще, но потом проморгалась и подорвалась в вертикальное положение, осознав всю нелепость происходящего. Открыв дверь, я поняла, что начальник тоже вышел из машины, он, вероятно, провожал меня взглядом, и я убедилась в этом, когда остановилась уже перед входом в подъезд.

– Хорошего вечера, Кира.

– Спасибо. – Прямая я, и даже не уверена, услышал ли он вообще.

Это был самый странный вечер в моей жизни, я ощущала себя какой-то дикой девочкой, которую впервые позвали на свидание, а это даже не свиданием было. Конечно, нет. Какие глупости. Как мне такое в голову приходит?

Но это было на тот момент, потому что я и не подозревала, в какую пучину странностей меня занесет, как повернется моя жизнь уже на следующий день.

Глава 5

Утро оказалось пасмурным, а пока я кофе варила и выковыривала остатки корма для Оболтуса, когда Настька беззаботно спала, в очередной раз, соврав, что ей ко второй паре, и, вовсе, дождь влил. Я заставила себя улыбнуться. Вообще-то это моя любимая погода, только вот когда на работу не нужно идти. В метро толкучка адская, с трудом пробралась к вагону. Почему именно на моей станции? А еще мокрые все, кто-то вон даже зонт умудряется стряхивать, а меня так сразу в дрожь бросает, когда холодная дождевая вода кожи касается. Но ничего, пять станций. Я также смогу удачно выйти из подземки, не окажусь раздавленной в суматохе, но также удачно окажусь окаченной водой из лужи, благодаря какой-то иномарке. Ну, спасибо, мудака! Знаете, я обычно с пониманием ко всему отношусь, потому что в большей степени обвиняю во всем

себя, но не на этот раз. Мне идти еще два квартала до офиса, а я с ног до головы облита водой и даже зонт не спас, потому что по реакции, именно в этот момент, я подпрыгнула и, зонтик в сторону отлетел. А я даже сегодня белую футболку без рисунка надела. Без единого. Честно-честно. Блин, ткань промокла и теперь еще и лифчик видно. На удивление, машина притормозила у обочины, и если бы в какой-то другой день я бы дальше пошла, то сегодня все мое нутро тянуло меня на неприятности.

Из маленькой, словно игрушечной черной машинки. Только не это. Я обошла ее вокруг и уставилась на хозяина, пугливо хлопая глазами. Это проклятье какое-то! Ладно. Вдох-выдох, вдох-выдох.

– Смотри легкие не выплюнь. – Небрежная усмешка. – Не сопи так. – Выражение его лица смягчилось, но в глазах ликовало безумие. Дождь почти заканчивался, но мне-то какая разница, я ведь уже мокрая! А вот этого мерзавца водой, кажись не испугать. А я дышала и дышала, как бешеная собака. Мне это нужно, необходимо, чтобы не наговорить чего-нибудь лишнего, чтобы не сделать очередную глупость. Парень беззаботно провел руками по влажным, почти черным волосам и потянулся в бардачок автомобиля, который я уже ненавижу. ДВАЖДЫ! Я ждала. Чего? Извинений? Ага! Когда он протянул мне упаковку салфеток, совсем как в прошлый раз, я взглянула на нее, затем на него, чья ухмылка могла довести меня до истерики.

– Возьми. Ты испачкалась. – Я значит испачкалась? Чувствую, как мокрая ткань прилипла к телу и это вызывает еще большую чесотку, чем-то, когда я нервничаю. А это значит, что чешусь я в ДВА раза сильнее! Если о главном: то чувствую себя, еще хуже, чем выгляжу! Даже мой лифчик мокрый!

Слов у меня не нашлось, точнее их миллион было, но отдышаться и выждать какое-то время лучшее решение конфликта. Или нет? Эх, и хватило меня только на то, чтобы вырвать у парня из рук салфетки и швырнуть ему их в грудь, с важным и гордым видом зато. Этот ковбой меня даже во сне сегодня преследовал. Спала себе спокойно и вот вам – здравствуйте! В общем, увидела, будто в прошлый раз своим падением я ему дверцу отворотила, а потом несколько лет за нее расплачивалась. Если это можно так назвать, брр.

Салфетки он, конечно, поймал налету, те едва груди коснулись, и взглядом хитрым проводил, когда я резко на пятках развернулась и пошла прочь. Внутри почему-то сердце так стучало, словно дозу адреналина хапнула. А такое

перевозбуждение у меня от злости бывает, а в данном случае от несправедливости!

– Эй, Ариэль, я могу подвезти, только штаны придется снять, а то сидение мне заляпаешь!

Ну, нет. Нет. Нет и нет! «Иди дальше, Кира, просто иди». Я выросла в семье, в которой наказывали за любую шалость, а я хоть училась хорошо, но слишком взбалмошная была, поэтому часто от отца ремня получала. Не знаю, связано ли это с тем самым, или же природой так заложено, но когда я чувствую себя бессильной, моя злость может перекрыть любые отделы мозга, которые способны думать, и единственный контроль над этим – сделать что-то в ответ на эту злость, отчего станет легче, либо «проглотить», экспериментируя с дыхательной гимнастикой. Но я не собиралась больше репетировать схватки перед родами, особенно в этот момент, когда увидела этот миленький «островок» с разливным лимонадом. На все понадобилось не больше минуты, а тот раздражитель моих оставшихся нервных клеток, все стоял, видимо, ждал, пока я сдамся под натиском его омерзительно – превосходного лица или куплюсь на дорогую машину и запрыгну, даже без штанов, потому что он так сказал, даже если это была шутка.

Схватив стакан лимонада, я развернулась обратно и своим самым быстрым шагом, да что там, почти бегом, подлетела к парню, и плеснула содержимое в лицо, тот даже одуматься вовремя не успел, я лишь заметила мимолетное удивление, а затем желваки, заигравшие на скулах и взгляд маньяка-убийцы.

– Подвози себя сам! Урод.

А вот теперь пора сматывать.

– Ты пожалеешь об этом, русалочка!

– Ага, и что ты сделаешь? Тоже мне. – Пробубнила я себе поднос, пока ноги уносила, и захныкала в отчаянии. Ну, вот, как теперь работать? Будет хорошо, если меня вообще в здание пустят. Настроение испорчено. Тело все мокрое и чешется. Хочется под душ горячий или в теплое одеяло завернуться и чтобы кто-нибудь какао принес. Ага. «Работать, Макаренко, работать!»

Если бы еще с утра, когда я только-только глаза открыла, мне бы кто-то сказал, что уже к обеду я буду готова веревку с мылом требовать, я бы сказала отвалить и не смешить моих Чеширских котов на ногтях.

Опаздывала я впервые, и неслась через пропускной пункт так, что чуть носом до лифта не проехала, благо охранник поймал вовремя. Это все та дурацкая ковровая дорожка виновата, которую тут расстелили, словно к приезду президента. Я, конечно, хотела в туалет заскочить и обтереться немного бумажными полотенцами, но опаздывать было даже на минуту запрещено, у нас при входе датчик все фиксировал, а потом (в лучшем случае) из зарплаты вычитали, а три опоздания равны увольнению.

Пробежав вдоль коридора, даже ни с кем по пути не поздоровавшись, я резко притормозила у дверей офиса и, чуть было, с мужиком каким-то не «поцеловалась», благо ноги вовремя послушались, а то б еще с фингалом ходила.

Что за балаган еще? Через широко распахнутые двери, я пыталась протиснуться вперед, пока трое мужчин в рабочей форме тащили какой-то шкаф, постоянно кряхтя и повторяя:

– Осторожней-осторожней.

– Милочка, Вы мешаете, если мы испортим эти штуковины, нас на ремни порежут.

Это один из рабочих пропыхтел. Я-то все понимаю, но мне войти нужно.

Я скривилась.

– Так и сказали?

– Так и сказали.

Похоже, босс сегодня снова не в духе, надеюсь, это не скажется на мне. За внешний вид замечания не избежать. Но разве я виновата? Ищите того мудака, который тут вчера был, вот пусть и объясняет, почему я как уличная собака

выгляжу.

Наконец, протиснувшись, я увидела перед собой Идку, тревожно хлопающую глазами, какую-то девушку лет восемнадцати на вид и то, как рабочие своим шкафом, точнее этим дурацким стеллажом босса задевают мой стол и, с него летит стопа бумаг и писем, которые я вчера разложила!

– Вот вы... – Я чуть не заверещала и ногами не затопала, как пятилетняя. Теперь все собирать и заново раскладывать! Кстати, я уже говорила о чувстве бессилия и его отдаче? Так вот, пнуть в отместку шкаф с ноги – плохая идея. Но она выглядит еще более сумасшедшей, когда ты понимаешь, что пнула стеллаж босса с его, наверное, ценными фигурками женщин. Как раз, в тот момент, когда одна из них падает и у нее отлетает голова, я ахаю от неожиданности и, тем самым заставляю одного из рабочих обернуться и увидеть то же, что и я. А потом его глаза буквально на лоб выезжают, а затем одна рука соскальзывает со шкафа, я зажмуриваюсь в то время, когда под наклоном, с полок слетают еще несколько фигурок и приземляются на пол, одна за другой. Я оборачиваюсь к Иде, и мы, как в съемке замедленного действия глазеем то на фигурки, с отколотыми частями тел, то друг на друга. А тут еще эта девушка незнакомая, она вообще на вид, не понимает что происходит. Я, в свою очередь, пытаюсь заставить себя дышать, и стоять на месте, чтобы не дай Бог еще чего не завалить.

– Что тут происходит? – В полтона спрашиваю я, наклонившись к Иде поближе, а та все еще стоит и хлопает глазами.

– Лучше-ка тебе валить отсюда. Ты покалечила драгоценные статуэтки начальника. – Проговорила та, словно робот и только потом посмотрела на меня, а я фыркнула в ответ.

– Тебя по башке шандарахнули? А это кто? – Кивнула на девушку, которая уже поспешно собирала по полу документы, улетевшие с моего стола.

– А это твоя замена, Макаренко.

– Пфф, с чего это? – Я поглазела на Идку, затем на девушку, ползающую на карачках и, смотрящую на меня так, словно на ногу мне наступила. У меня аж в ушах зазвенело. Что за цирк, в конце, концов! – Ид, че тут, а?

– Мне сказали, что ты уволена. – Подруга виновато поджала губы и плечами подергала, а я как стояла на месте, так и. Подумаете, грохнулась в обморок? Упала на пол и стала рыдать? Ломиться к боссу в кабинет и кричать, какой он мерзавец, подлец и вообще мстить так за вчерашний ужин – нечестно?!

Нет. Я сделала кое-что похуже.

Уволил, значит.

– Кира. – Голос Идки звучал где-то вдалеке.

Вот как. В те дни, когда я опасалась увольнения, действительно его заслуживала и ждала, оно проходило мимо! А сегодня! Я только в офис вошла! И этот.. Этот! Ах, чтоб его. Даже совести не хватило лично это сделать. Конечно, кто я такая, курьер, да и только! Но пусть знает, что у курьера тоже есть что сказать.

– Может, мне и самой надоело эти коробки таскать. – С этими словами я и сделала первый шаг на пути к апокалипсису в своей жизни. Моя пятка смачно прилась к голове одной из восковых барышень, а затем к ее телу, которое отлетело в полете. Фигурки были твердыми и, я испытывала еще большее удовольствие от того, что нужно силу прилагать, чтобы размазать их идеальные формы по полу и моему кроссовку, разумеется. Но это неважно. Нанести непоправимый урон этим дамочкам было единственным средством для моего успокоения. Похоже, этот мужчина какой-то псих или извращенец, раз собирает подобное! Да еще и на работе. Маньяк!

Большинство упавших статуэток, к счастью начальника, не повредились при падении. Но и к моему счастью, тоже. Потому что, не представляете, какое удовольствие я получила, когда мой кроссовок размазывал по полу этих обнаженных дамочек.

И может, они ему и вовсе не нужны, иначе куда это их перетаскивают? Хотя Идка назвала их драгоценными, и я чувствую себя немного счастливей от мысли, что приложила руку к их частичному уничтожению, в данном случае ногу.

– Кира, ты ведешь себя, как ребенок! – В голосе подруги звучала неподдельная паника, пока та пыталась оттащить меня, когда я схватила с пола последнюю уцелевшую при падении фигурку и с разбегу швырнула ее в дверь начальства.

– Ребенок? Он пригласил меня на ужин, а теперь увольняет! Даже замену нашел уже!

И тут я подумала, раз он замену нашел, значит это не решение одного дня, это произошло гораздо раньше. Каков мерзавец!

Когда дверь открылась и передо мной выросла гора абсолютной неуязвимости, я даже растерялась по началу.

– Кира? Что Вы тут устроили? – Босс сначала нахмурился, затем его глаза расширились, при виде несчастных статуэток за моей спиной.

– Вы беспринципный негодяй, Владислав Романович. Покупаете мне одежду, на ужин приглашаете, а теперь увольняете. В Ваших действиях нет никакой логики.

– Кира. – А Идка все пыталась меня остановить от чего-то, что уже неизбежно.

Я горько усмехнулась.

– Вы понятия не имеете, как мне нужна эта работа.

– Кира, я..

– Заберите свою статуэтку.

Я демонстративно выпустила из руки восковую фигуру с копной мягких блондинистых волос и раздавила ее ногой, наблюдая за реакцией начальника. А ему хоть бы хны. Я ждала ураган, тайфун, извержение вулкана, да все, что угодно, но только не удивление.

– Я не увольнял Вас. – Это все, что он сказал, перед тем как позади нас, раздались громкие аплодисменты, отдающиеся эхом от офисных стен.

– Браво. Потрясающее шоу.

Новый курьер и Идка, стояли у моего, уже бывшего столика, почти вжавшись в него, пока высокая фигура курсировала вдоль помещения. Взгляд его мог уничтожить с расстояния сотни километров и направлен он был на меня. Парень больше не выглядел взбалмошным уличным парнишкой, он походил на мужчину, в этом темно-сером костюме, с этой подачей и гордой осанкой. Смотреть противно. Он даже на корточки присел со всей своей «породистостью». Когда успел переодеться?

– Полагаю, твоя работа. – Это даже не было вопросом, когда он поднял расплюснутую по полу статуэтку, покрутил в руке и швырнул обратно, после чего встал.

А я просто стояла и моргала, пока тот медленно приближался. И чем ближе он был, тем больше росло во мне напряжение. Я шагнула назад и врезалась в твердую грудь Владислава Романовича и даже испугалась немного, вздрогнув при этом. Я в ловушке или что это? К моему удивлению, я почти сразу почувствовала легкое прикосновение к своей талии. Это показалось мне странным, и я даже занервничала еще больше, но затем что-то в подсознании дало мне знак, что я могу чувствовать себя уверенней, и это даже сработало.

Брюнет напротив, тоже это заметил, он проследил за рукой босса на моем теле, уголок его рта слегка приподнялся и взгляд встретился с моим. Я чувствовала в нем угрозу, его взгляд, каждое движение излучали опасность. Это было отчетливей, чем раньше. Словно он больше не был тем «уличным музыкантом», которого я в нем увидела.

– Превосходно. Так ты спишь с моим братом? Отличное начало.

Он усмехнулся, а я в ответ только рот сумела открыть. Братья значит. Вот откуда такая схожая нахальность и вызов во взгляде. Они и сейчас, как два тигра, готовые друг другу глотки разорвать.

– Оставь ее в покое, ты итак слишком много шума наделал своим появлением.

– От тебя несет старомодностью, брат. Эта девочка. – Его презрение даже скрыть было невозможно, да и вряд ли он старался не показывать, кем считает меня на своем благородном фоне. Особенно в таком виде. – Испортила несколько моих статуэток.

– Бесплезная гряда воска. – Парировал Владислав Романович, чья рука уже переместилась вдоль моей спины, едва ощутимо поглаживая ее, словно он понимал мое напряжение, словно пытался меня успокоить, но это почему-то начинало раздражать. Эти двое так давили на меня своей энергией, что мне хотелось закрыть глаза и переместиться в какое-нибудь другое место. Исчезнуть в одно мгновение.

– Это символ.

– Твоего безумия.

– Тем не менее, ты сохранил их невредимыми. Почти. И кто-то поплатится за это.

Брюнет снова покосился на меня, мимолетно просканировав мое лицо, которое почему-то горело до самого основания.

– Не подходи к ней ближе, чем на один метр. – Я почувствовала, как легкое прикосновение переросло в более жесткое и ощутимое, как горячие пальцы впились в мою кожу, я даже дернулась.

Парень напротив демонстративно шагнул вперед, так что я оказалась зажатой между двумя ненормальными братьями. Владислав Романович отступил назад, тем самым давая мне больше пространства. – Сейчас тебе лучше уйти. – Сказал он, едва наклонившись к моему уху, и я понимала, что это единственное правильное решение, даже если в остальном, ничего не понимала! Больше не было желания разбираться, кто кого уволил, и эти люди мало должны меня интересовать, единственное о чем, я обязана думать – поиски новой работы.

Когда я ринулась вперед, то тут же врезалась в твердое тело, от которого исходило тепло, несмотря на то, что выражение лица отражало маньяческий холод, сквозь свою мокрую футболку, я ощутила это приятное прикосновение жара. Разумеется, только из-за того, что озябла не на шутку. Хотя вообще-то, уже и думать забыла, о том, что кое-кто меня из лужи окатил.

– Я бы так не спешил.

– Убирайся отсюда, пока я тебя не вышвырнул. – Прорычал позади мой босс. Точнее уже бывший босс, раз я уволена, до сих пор не понятно по какой причине.

Брюнет рассмеялся, и это не было забавно.

– Это моя фирма. – Ровным тоном произнес он. А вот это интересно.

– Только половина.

– Шестьдесят пять процентов, ты хотел сказать, скоро будет семьдесят.

Я невольно обернулась к Владиславу Романовичу, но тот даже не взглянул на меня, его глаза были полны гнева, направленного в сторону брата, желваки, играющие на скулах, придали его виду полную боевую готовность.

– Удивлена, что «папочка» не владеет фирмой? Почти банкрот.

Несмотря на то, что напряжение в офисе было адским, и оба брата словно ненавидели друг друга, но один из них был явно уверен в себе больше, он был спокоен или старался так выглядеть, это ужасало, и я не была на его стороне. В этот момент мне хотелось съездить ему по роже, плеснуть что-нибудь в лицо, как сделала ранее. Это, должно быть, и стало моей ошибкой. А еще дурацкие фигурки. Все сегодня шло против меня.

– Тыпустишь «Корелл клуб» по миру.

– Словно ты чего-то добился в мое отсутствие, не изменилось ничего, кроме того, что ты нашел себе подстилку-курьера, кстати, она уволена.

Он снова окинул меня взглядом, мимолетным, еле уловимым, но все же я смогла заметить в нем кое-что, то что спасло меня от гнева и очередной глупости. Это был вызов. И провокация. Словно он провоцировал, только кого, я не могла с уверенностью сказать, потому что в одну сторону это сработало определенно. Все бы закончилось плохо. Да они ненавидят друг друга! И я не хочу в этом

участвовать.

Когда рука Владислава Романовича взлетела по направлению к лицу самодовольного брюнета, тот даже не пошевелился, а мне пришлось быть частью этого представления. Вцепившись в рукав пиджака бывшего босса, я на удивление остановила удар, его рука повисла в воздухе и глаза нашли мои.

– Он этого не стоит. – Я продолжала сжимать ткань его пиджака и, кажется, наши взгляды нашли понимание друг в друге.

– Ты не можешь увольнять моих людей.

– Я могу уволить шестьдесят пять процентов, работающих здесь, но мой список закончится на одной из них. Ты ведь не хочешь, чтобы я весь штат распустил. Кстати, я привел тебе нового курьера.

– Я пойду. – Мне стоило сделать это раньше. Еще в тот момент, когда Идка сказала, что меня уволили, я просто должна была уйти. Я всегда так делаю. Делаю, как нужно, как мне говорят, но сегодня почему-то подумала, словно заслужила того, чтобы меня услышали. Это было ошибкой.

– Кира.

Я обернулась на голос бывшего начальника и натянуто улыбнулась. Он хотел что-то сказать, но запнулся, лишь произнес мое имя. Это было правильным. Так как все и должно быть.

– Я позвоню тебе в обед. – Шепнула Идка, когда я мимо нее прошла, я только кивнула в ответ.

Вот и доложила в два раза больше тех денег, которые для Егорки взяла. Настя прибудет, если в этом месяце я снова за квартиру задержу. До декабря меньше полугода, и про взнос еще ничего не слышно, и я рассчитывала, что за пару месяцев на него хоть накоплю. Работу так быстро не найти, тем более я и делать-то ничего не умею, кроме того, как коробки таскать по городу и танцевать. А кроме как в «Корелл клуб» нигде не платят столько за услуги курьера.

Высокомерный мудака. Обиженка. Сам виноват, что мне пришлось его облить. Тоже мне орел.

В воздухе пахло пылью после дождя, мое тело боролось с ознобом и с желанием завернуться в теплое одеяло. Это лишь выбьет меня из колеи. С детства мне было присуще одно правило: «Выйди из зоны комфорта и все обязательно получится».

Длинная мраморная лестница расстилалась от дверей «Корелл клуб» до самой аллеи рядом с автобусной остановкой, а это метров тридцать, как минимум, вот на нее я и уселась, рядом зонтик положила, ноги обняла и голову на колени положила. В груди кошки скребли и к горлу горечь подступала. Я обычно редко плачу, то есть никогда практически, но бывает, когда хочется руки опустить, просто плыть по течению. А у меня вся жизнь состоит из заплыва против него. И когда появляются мысли, чтобы остановиться, бросить все к чертям, может даже в родной город вернуться, тут-то меня и накрывает. Если я не смогу оплатить операцию, это лишит меня треклятого смысла жизни. Уже несколько лет единственная моя цель – помочь брату.

– Не сиди на холодном.

Я выпрямилась, но не обернулась, почему-то стыдно слезы показывать. Подумает еще из-за увольнения разревелась. Хотя это и было одной из причин. По идее я еще должна две недели отработать, но видимо, новое начальство это не волнует.

– Спасибо за заботу, доктор.

– Ты даже не спросила, почему я тебя уволил.

– А должна была?

– Ты ведь не думаешь, что это связано с твоей утренней выходкой?

– Разве нет?

– Определенно, это было глупым решением.

– Вы окатили меня водой из грязной лужи, я до сих пор мокрая. – В этот момент я обернулась и, мне пришлось задрать голову, чтобы видеть лицо мужчины, которого я поначалу, по ошибке приняла за «своего» парня, пусть и богатого.

Он смотрел, отчетливо видя мои, наверняка, красные глаза и опухшие веки. Я подумала, что скрывать свои слезы равносильно тому, что скрывать свою человечность. Он не знает моей проблемы и ему никогда не понять такую, как я, но пусть хотя бы видит, что эта работа для меня была не просто что-то бесполезное, я действительно за нее держалась. В этом «ковбое» больше ничего не было ковбойского. Волосы по-прежнему были взъерошены и, глядя на них, хотелось запустить туда руку и еще сильнее их растрепать. Но опустив взгляд ниже, к лицу, которое наполнено безразличием, понимаешь, что перед тобой обычный кусок дерьма с карманами, набитыми деньгами.

– Я тебя не заметил.

Я фыркнула. Чего стоило ожидать.

– Я ведь такая незаметная.

– Ты разбила восемь статуэток из моей коллекции. Как собираешься за них расплачиваться?

– Это всего лишь воск. И я не знала, что они Ваши. В любом случае, это было справедливо.

– Ты знаешь, что я могу уволить тебя по статье? Тебе будет сложно найти работу.

– Это угроза?

– Констатация факта.

– Не томите уже, сколько я должна за эти дурацкие статуэтки?

– Я думаю, ты могла бы быть поуважительнее.

– К воску?

– Сколько тебе лет?

– Серьезно? – Я прыснула. Мы будем говорить о моем возрасте?

– Абсолютно. Я все равно узнаю.

А вот это даже не смешно.

– Двадцать три.

– Хм, выглядишь моложе.

Я бы должна сказать спасибо? Это ведь комплимент, для нормальных людей, но не для меня, поэтому я просто отвернулась и снова положила голову на колени.

– Ты показалась мне смелее, при первой нашей встрече, Ариэль.

– Вы прекрасно знаете, что это не мое имя.

– Я слышал, как ты сказала, что тебе нужна та работа. Ты действительно ее хочешь?

Я снова обернулась, с любопытством и подозрением. Мужчина стоял буквально в метре от меня и не сдвинулся ни на шаг за все это время. Лицо его не выражало ничего и мне становилось еще холоднее от этого взгляда, словно он мог бы заморозить. Утром он был другим, хотя я видела его злость, но злость это хотя бы эмоция, а здесь на них нет даже намека. Я боялась людей без эмоций.

– Хочу. – Ответила я честно, потому что это то место, где хотя бы платили достаточно хорошо за то, чем я занимаюсь.

– Ты трахаешься с моим братом?

Что! Я вспыхнула ни то от злости, ни то от стыда. Совершенно никакой тактики у этого человека!

Мне пришлось обернуться, чтобы посмотреть шутит ли он, задавая такие вопросы, издевается ли? Но ничего, кроме ожидания я не увидела.

– Я спросил что-то не то?

Он серьезно это сейчас?

– Я даже имени Вашего не знаю, а Вы спрашиваете трахаюсь ли я.. Господь.

– Да или нет?

– Нет!

– Другой мужчина? Может несколько?

– Вы не в своем уме! – Схватив зонтик, я подорвалась с места и быстрым шагом направилась в сторону остановки.

– Я дам тебе работу, Ариэль.

Я остановилась.

– Но у меня есть несколько условий.

Ну, разумеется.

Глава 6

– Он псих. Абсолютно ненормальный человек.

Я отпила немного кофе из пластикового стакана и посмотрела в окно бургерной, в которой мы с Идкой договорились встретиться. Я боялась, что ей как обычно нужно забирать Марка из садика, но ее муж Саня работал полсмены сегодня, а мне нужно было кому-то выговориться.

– Я думала, он убьет тебя за статуэтки. – Подруга усмехнулась, словно это вообще может быть смешно.

– Это ненормально.

– Ну, это единственные женщины, которых он уважает. Я слышала, что он даже имена им дает.

– Жуть. Стой, а ты это откуда знаешь?

Идка выдохнула и откинулась на спинку стула.

– Я с ним год проработала до того, как он исчез и его место Владислав Романович занял.

– Исчез?

– Угу. Просто в один день. В газетах разное потом писали, будто он от наркоты лечится, другие говорили, что у него сеть подпольных казино нашли, третьи про женский гарем писали, опираясь на информацию о любви к восковым фигуркам женского пола. Но я думаю, это все конкуренты. Как раз после этой шумихи с журналистами, фирма переживала некоторые проблемы, но нынешний начальник все уладил, я думала все под сокращение пойдут, а он даже зарплату поднял, не зря его Наташка в Аполлоны записала.

– Ну, он красив. – На удивление, я и сама себе в этом только что призналась. Не зря ведь полгода я смотреть в его сторону боялась. Такие мужчины заведомо опасны для женского разума.

Идка улыбнулась так, словно съязвить хотела. Мол: «Посмотрите, это та, которая никогда не говорит о мужиках и о сексе, которая никогда не смотрит на начальника тире возможная лесбиянка». Не лесбиянка я, просто не люблю

лишние проблемы.

– Ну, знаешь, Максим Романович тоже ничего себе, и он моложе.

Она подмигнула.

– И, тем не менее, его каждая собака в фирме боится, женщинам надоедает такое, рано или поздно, тут все перекрестились, когда он исчез. Он не из тех, кто приглашает штатных курьеров на ужин.

Судя по игривому настроению Иды, она решила плавно перевести тему к тому дурацкому ужину, о котором я проболталась, но мне меньше всего хотелось говорить об этом. Максим Романович, значит. Я даже немного разочарована. Не то чтобы, мне имя это не нравилось или не то чтобы, я вообще думала об имени этого человека, но с тех пор как мы впервые встретились и, включая сегодняшний день (особенно сегодняшний день), это имя кажется слишком простым для психопата, собирающего восковых женщин и предлагая невесть что.

– Он предложил мне работу.

– Кто? – Подруга поерзала на стуле и потянулась за вторым по счету круассаном, хотя только недели две назад ныла, что ее вдруг в ляжках разнесло.

– Тот, о ком мы сейчас говорили.

– – Максим? Ты серьезно? – Она положила, едва надкусанный круассан на место и уставилась на меня, словно я только что с планеты другой спустилась.

– Угу.

– Обалдеть, Макаренко! – Ида достала телефон и начала судорожно клацать по нему пальцами, улыбаясь экрану.

– Ты здорова, Григорьева? – От ее поведения у меня почему-то сердце заколотилось внезапно. Нет, я уверена, что у Идки с головой нормально, но почему-то данная ситуация вызывала недобрые ощущения.

– Ты, мать твою, спасительница вся «Корелл клуб», Макаренко.

– Что? Что ты делаешь? – Я вырвала у нее телефон, сама не понимая как это произошло и, увидела на экране имя моего бывшего начальника, и открытую СМСку для оправки.

– Ты переписываешься с боссом?

– Он предложил мне выгодную работенку сегодня, но я не уверена, что справлюсь с этим.

– Я здесь причем?

– Владислав Романович хочет, чтобы я стала шпионом в отделе его брата, якобы, ну раз он вернулся, я бы хотела с ним снова работать, а это не так, но все же.

– И? – Я все еще не понимала. Или не хотела понимать.

– Макаренко, ты гений! Не знаю, что ты сделала, но. Макс Романович никогда тебя не заподозрит, а меня в два счета спалит. Нужно сейчас же боссу сообщить.

Я скривилась.

– Что?

– Что-что, Макаренко! Босс хочет компромат на брата, серьезный, достать его может кто-то приближенный. Какую работу он тебе предложил? Курьер?

Если бы.

Несколькими часами ранее

Офис брата моего бывшего начальника располагался на этаж выше и отличался заметной хмуростью от самого коридора. Цвет стен был совсем как та мокрая

мраморная лестница у входа в фирму, в самом кабинете такого цвета только ковер и передняя часть стены, все остальное было в спокойных коричнево-бежевых тонах, но все равно, слишком много темного, будто в бюро похоронное попала.

Плелась я сзади, словно мелкая собачонка за ногами хозяина, чьи туфли блестели так, что в них, можно было отражение уловить. В приемной никого не оказалась, даже секретаря, словно вымерли все. И если честно, жутковато было, а еще при входе в кабинет, я сразу стеллаж с теми самыми ненавистными статуэтками заметила, и теперь мне казалось, будто они все смотрят на меня и пытаются обвинить во внезапном исчезновении своих сестер с половины нижней полки.

Присесть мне не предложили. Пока мужчина со скептическим видом перебирал что-то в сейфе, я еле заметно почесывала правую ладонь о штаны, которые все еще были мокрыми, и поглядывала на статуэтку.

За что еще я в детстве получала ремня? За то, что язык за зубами держать не умела.

– Их бы следовало сначала снять с полок, а затем шкаф переносить.

Глаза bruneta на мгновение встретились с моими. Лицо было каменным. Он вытащил лист бумаги из сейфа и положил на край длинного темно-коричневого стола.

– Ты всегда говоришь то, что думаешь?

– Чаще всего.

На секундочку уголки рта мужчины приподнялись и даже глаза заиграли, как в тот раз, когда я в дверь его машины вписалась, но затем все снова на свои места вернулось, словно переключатель в нем какой-то сработал. У людей так не бывает. Либо он хороший актер, либо робот.

– С сегодняшнего дня начинай забывать об этом бесполезном навыке.

– Что?

– Переспрашивать о том, что ты услышала – входит в тот же пункт бесполезности.

– Я.

– Звуки, попусту сотрясающие воздух – туда же, пункт номер один.

Но я даже сказать ничего не успела! Ладно, я помолчу, если это решит вопрос с работой.

– Пункт номер два.

– Я дико извиняюсь, но мне бы хотелось узнать что-то о предлагаемой должности.

Помолчать долго не удалось, уж простите. Я здесь по делу, в конце концов.

Брюнет обошел меня вокруг, как акула, разглядывая, словно намечая цель, только вот класанья зубами не хватало. Я старалась не смотреть на него, потому что у меня уже, наверное, выработанный пунктик: не смотреть на красивых мужиков тире недоступных мужиков. Потому что а) они затуманят тебе голову, в лучшем случае, в худшем – лишат рассудка; б) даже если на горизонте засветит хоть какой-нибудь шансик, он обязательно наплюет тебе в душу и вытрет ноги. Ни первое, ни второе мне не интересно.

– Пункт номер один. Не перебивать. Это относится к пустой болтовне.

Не сочтите меня легкомысленной, ведь меня саму бесит тот факт, что стоя здесь, как нашкодивший щенок с улицы, я думаю о том, как приятно разливается внутри меня этот тонкий, пряный, буквально обволакивающий с ног до головы, запах. Он был теплый как корица и холодный как мята, я даже на секундочку подумала, что хочу забрать его с собой, но затем я очнулась и, мне захотелось тут же треснуть себя по башке. Я вообще-то не падкая на такое, да и сама парфюмом не пользуюсь. Мне вообще-то никогда не было интересно кто там, чем пахнет, у кого там какой одеколон или духи, не воняет и хорошо. Черт

дернул его подойти так близко.

– Ты здесь?

– Эмм.. Да. – Я даже чуть вздрогнула от вырвавшего меня откуда-то, непонятно откуда, голоса. Он не был требовательным или грубым. Ровным, отчужденным, холодным – да, но не грубым, но я все равно испугалась и когда открыла глаза. Мать моя женщина! Почему я вообще их закрыла! В общем-то, брюнет уже отошел от меня и сканировал мое лицо на расстоянии в пару метров, а его запах все еще гулял по моим дыхательным путям.

– Повтори, что я сейчас сказал.

Что? Господь всемогущий. Как в школе. Нет, я вообще-то никогда так глубоко не задумывалась. Может, бывало пару раз. Но уж точно не из-за мужского парфюма или что бы это ни было.

– Что-то про пункт номер один? – Осторожно спросила я.

– Ты отвлеклась. – Он внезапно помрачнел. Я, было, подумала, куда еще мрачнее, но оказывается можно! Это было похоже на хождение по лезвию, шаг влево, шаг вправо, ты труп. Словно мы оба соскользнули с этого пути, только вот я не поняла, что такого я сделала, что заставило этого человека выглядеть таким. Разочарованным? Словно он в карты проиграл.

Отойдя от стола, он прошел вдоль кабинета к одному из подвесных шкафов и достал оттуда уже начатую бутылку с коричневой жидкостью. Коньяк или виски, я не очень разбираюсь в этих напитках, от слова «совсем». С грохотом бутылка опустилась на стол, за ней последовал широкий стакан.

– Я. – Мне бы хотелось спросить в чем дело, но я, разумеется, только рот успела открыть и «бесполезный» звук издать.

– Тсс. – Рука брюнета приподнялась и повисла в воздухе на то время, пока он наливал алкоголь другой, словно это был какой-то особый момент, когда нельзя говорить. Или только мне нельзя?

Выпить слава Богу, мне не предложили, а я бы может и не отказалась, находясь в обстановке максимально готовой привести меня к истерике.

Мужчина отхлебнул из стакана, предварительно покрутив его в руке и, на пару секунд засмотрелся куда-то вдаль, так, что можно подумать, будто он сквозь стены мог видеть. Я наблюдала за ним с любопытством, с таким же, с каким он чуть позже взглянет на меня.

В его безразличие сложно что-то уловить, но я увидела, то есть, он позволил мне это видеть, как я думаю. Это был интерес. Это был азарт. И мне бы могло это понравиться, наверное, если бы это не было похоже, словно на тебя смотрят, как на новенькую машину, которую вот-вот получишь. Я бы хотела, чтобы на меня смотрели так, как на человека с высокими профессиональными возможностями, хоть таковых у меня и не было, и я четко знала, что этого мужчину вряд ли интересует моя профессия. И в глубине души, я бы улыбнулась себе, если бы на меня взглянули так, как на женщину, но это не был тот взгляд, я знала это потому что каждый выходной в клубе меня буквально раздевали глазами, и простят меня мои моральные принципы, это поднимало мою чертову самооценку на вечер. Он не смотрел на меня так. И это пугало. Потому что только дьявол мог смотреть в твое нутро и говорить: мне нужно все.

А вообще-то у меня бурная фантазия. Может, это привычный взгляд этого парня, мол «смотри, я альфа-самец». Ага, альфа-дурак, ты. Я на такое не покупаюсь.

– Скажи мне, что тебя отвлекло, и мы продолжим этот разговор. Вернемся к пункту номер один: вранье.

И что я должна сказать? Соврать! Определенно. А если поймет? Я ведь совершенно не знаю, что это за человек, кроме некоторых странностей, которые уже успела заметить. Признаться, что готова была обнюхивать его до конца дня, как надоедливая собака или кошка, которую валерьянкой поманили?

– Если совру?

– То, о чем ты думала, стоит того, чтобы соврать?

– Возможно.

– Мне уже интересно.

Ага, интересно ему, а смотрит на меня как на еще один предмет интерьера в своем кабинете.

– Мне. – Я замялась. А мужчина ждал, и наверняка, заметил, как я от волнения с ноги на ногу начала переступать. Господь, почему я просто не могу сказать это? Ладно! – Мне стало любопытно, не используете ли Вы какие-либо феромоны в своем парфюме.

Боженька. Ну, все. Я зажмурила глаза и стояла, как вкопанная ожидая смеха или какой-либо стандартной реакции, но ее не последовало. Открыв один глаз, я заметила, что брюнет, как стоял у края стола со стаканом в руке, так в той же позе и остался. Ни одна жилочка на лице не дрогнула. Вот те на! Открыла второй глаз. Выпрямилась, когда стакан опустился на стол и тот, чьи руки его до этого держали медленно подошел ко мне.

Он примерно на две головы выше и мне пришлось приподнять свою, чтобы взглянуть в его лицо. Стальные глаза искали во мне что-то, чего я сама не знала и, возможно, никогда не узнаю. Он был словно робот, сделанный по особому заказу. Мне показалось ужасным, что в мою голову внезапно прокралась мысль, что я ненавижу его за этот взгляд. Это делает меня уязвимой. Если я здесь, почти вплотную прижатая к нему, стараюсь не делать глубоких вдохов, чтобы не выдать нарастающую панику и не утонуть в дурмане мускатного ореха с мятной примесью, то я бы не хотела, чтобы на меня смотрели, как на какую-то вещь. Это глупо! И мне должно быть плевать на таких, как он. ОСОБЕННО на таких, как он. Я привыкла уважать себя. Я привыкла полагаться только на себя и делать то, что считаю нужным. Мать Господня, и я снова закрыла глаза, и этот дьявольский запах, кажется, стал еще сильнее.

– О чем ты думаешь? – Голос прозвучал мягко, это было почти шепотом, и меня словно морской волной накрыло, такой теплой и приятно удушающей. Он мурлыкал, как кот, и это было так низко, но бархатно, как перышком по коже, только по сознанию. Я сглотнула ком. Часто я закрываю глаза, когда танцую в клубе, это дает возможность забыть о том, кто ты есть, наплевать на принципы. Впрочем, это работает всегда. Мне казалось, что так я могла бы больше, чем мне

было дано.

– Вы дьявольски красивы. – Это было честно, но, тем не менее, я не произнесла это, как комплимент его самолюбию, надеюсь, он это понял.

– Мне нравится, что ты подумала, перед тем, как это сказать.

– Но. – Я распахнула глаза в тот момент, когда ощутила легкое касание пальцев на своей щеке.

– Пункт номер три: смущение.

Я все еще пялилась на него с каким-то недоумением и ужасом внутри себя, а может и снаружи, пока он легонько касался моего лица. Я бы хотела сказать, что ни капли не смущена, но о том, как горели мои уши, даже говорить не стоит. Мне кажется, я покраснела до кончиков пальцев в ногах, а мои Чеширские коты на ногтях сгорели от адского пламени. И смущало меня не то, что меня касался малознакомый мужчина, не то, что я позволяла себе думать и говорить, а то, что я оказалась посредственной, именно сейчас, в эту самую минуту. И что означают эти дурацкие пункты?

– Какой второй пункт? – Либо я снова прослушала, либо он был упущен.

Мы глазели друг на друга еще пару секунд, а затем мужчина резко убрал руку от моего лица и отступил на шаг.

– Раздевайся.

А вот тут меня будто из котла прямо в сугроб выкинули. Я попыталась заговорить, но язык не слушался даже, первые секундочки, я как рыба просто рот торопливо открывала.

– Ты глухая?

А теперь обратно в котел. Меня таким жаром обдало, что в ушах зазвенело. Что он вообще себе позволяет?

- Вы. Ты нравился мне больше, когда мы впервые встретились!
- Ты нравилась мне равносильно мало, как тогда, так и сейчас. Раздевайся.
- Даже не подумаю.

Я отступила на шаг, когда брюнет стал молча приближаться, а затем еще на один, а потом и вовсе побежала к двери.

- Не подходи. - Принявшись дергать ручку и крутить ее в разные стороны, я поняла, что дверь заперта. Но я не закрывала ее за собой! Сердце гроыхало где-то в области горла, даже в ушах, я пыталась отдышаться, все еще держась за эту несчастную ручку, не оборачиваясь назад, хотя прекрасно слышала шаги.

- Замок автоматический. Открыть могу только я.

С идентификатором что ли? Да плевать я хотела!

Шаги приближались, а я продолжала бесполезно дергать ручку.

- Я закричу.

- Сколько угодно. Здесь никого нет, можешь орать, пока голос не сорвешь.

- Не приближайся. - Мой голос панически сорвался и руки задрожали, когда этот сумасшедший подошел сзади и грубо провел ладонями по моим бедрам, я дернулась, но было некуда. Зажата. Тупая. Сама себя загнала.

- Пункт номер четыре: страх.

- Что? - Я едва пискнула.

Мужчина наклонился ко мне ближе и втянул воздух где-то рядом с моим ухом, словно пробовал аромат моих волос. или кожи. Я ощущала его дыхание так близко, словно оно было прямо внутри меня, и его запах был повсюду, что теперь вместо того, чтобы его сохранить, мне хотелось облить себя спиртом,

чтобы больше никогда не ощущать этот аромат.

– Ты меня боишься.

Он меня пугал. И это уже не было похоже на шутку. Я не истерила, но была на грани. Уговаривала себя успокоиться, вспоминала, что это всего лишь фирма, в которой я работала полгода, мой босс уважаемый человек. Но это не мой босс, это его сумасшедший брат!

– Ты маньяк?

– Мама в детстве не учила тебя не разговаривать с чужими дядями на улице, даже если ты врезаешься в дверь их автомобиля? – Шепнул он. – А, Ариэль?

– Это. Не. Мое. Имя. – Прощупала я сквозь зубы и завела назад руку, чтобы нанести удар локтем, но обе мои руки тут же были перехвачены.

– О чем ты сейчас думаешь?

– О том, что ты больной.

– Нет. Еще. Ты сказала первое, что пришло в голову, это первый пункт. Подумай.

– Я хочу, чтобы ты отпустил меня.

– Еще.

– Я не знаю!

– В тебе столько невысказанности. – Его рука плавно переместилась на внутреннюю часть моего бедра, я попыталась высвободиться, вопя и брыкаясь, но теперь это был предел, потому что я окончательно оказалась прижатой к двери.

– Во всех смыслах. – Ладонь переместилась чуть выше и, я сжала ноги, как только могла. – Я сказал, что дам тебе работу, но также я сказал, что ты должна

будешь пройти проверку. Я говорил это как раз в тот момент, когда ты восхищалась моим лосьоном.

– Мне не нужна такая работа. – Мой голос предательски дрогнул.

– Я плачу хорошие деньги. Большие деньги.

– Мне все равно.

– Ты не можешь уйти раньше времени, ты все еще должна мне за статуэтки.

– А ты не можешь взять все, что ты хочешь, если у тебя есть деньги. Твоя мать совсем не позаботилась о твоём воспитании?

Теперь он придавил меня своим телом так, что из меня чуть легкие не выскочили, аж ноги подкосились.

– Ты думаешь, я хочу тебя трахнуть?

Его язык едва коснулся моего уха, а ладонь нащупала то место между ног, которое я, к сожалению, не смогла проигнорировать, даже в такой мерзкой ситуации. Мне пришлось закусить губу, чтобы не издать ни звука, когда властные мужские пальцы нащупали клитор и с силой надавили на него. Блин. Позор, Кира! Это просто омерзительно.

– Пункт номер пять: оргазмы.

Он надавил снова и, грубая ткань джинсов даже через трусы все делала хуже, лучше, но. Мать моя женщина! Я громко выдохнула. Не удержалась, когда настойчивость пальцев преобладала над здравым смыслом. Моим, между прочим! Нет, этому не бывать. Я снова дернулась, хотя понимала, что мои силы не шли ни в какое сравнение с этим мужчиной, мне просто хотелось избежать этого позора для самой себя.

– Тсс. – Горячий воздух от его дыхания скользнул от уха к шее, и томный баритон цеплялся клешнями за мой, пока еще оставшийся, рассудок. – Ты же не хочешь, чтобы я останавливался. – Теперь в голосе слышалась издевка, но он был все

таким же приятным. И я не могла избавиться от этого дьявольского запаха, даже когда заставляла себя не дышать несколько секунд, чтобы собрать свой светлый разум по частям.

Пальцы брюнета скользили то влево, то вправо, затем по кругу, ускоряя темп, а затем наоборот, он делал это по издевательски медленно, и мне хотелось, чтобы эти маньяческие руки, оказались наедине с моей кожей, там, где вот-вот сейчас все полыхнет и взорвется. Я напрягла ноги, совершенно случайно, по реакции и, поняла, что это сделало все только более ощутимым. Мне захотелось крикнуть, даже выругаться, внизу живота было все на взводе, словно вот-вот что-то сумасшедшее должно произойти. Я закусила собственную руку, а второй схватилась за дверную ручку. Господь Всемогуший, я же говорила, что не лесбиянка. Но лучше бы была, иначе бы мне не хотелось, чтобы этот извращенец и возможный насильник делал это со мной, касался меня там. пусть даже через штаны, а я внутри от стыда сгорала, оттого, что хотела эти дьявольские пальцы ощутить везде, где только можно, и может быть не только пальцы. Я извращенка. Точно. Я долго думала, почему мой сексуальный опыт, пусть и дохленький, не был похож по ощущениям на те рассказы девчонок о каком-то оргазме, от которого будто даже ноги могут отказывать. Теперь все ясно. Я сумасшедшая. Этот урод, едва коснулся меня. Ну, ладно, не едва, но блин, через штаны, а я уже готова. Нет. Фу. Если такое получается только силой, я не хочу этого. Ну, то есть. Ох, Боже. Я чувствовала, как жар разливается по телу, как быстрые потоки электричества пробираются по каждой нервной клеточке, снова закусила руку, и чувствовала, что это не все, что должно быть что-то еще и оно сейчас очень близко.

– Ты все еще хочешь уйти отсюда? – Еще одно легкое дуновение горячего ветерка.

Рука прекратила движение, лишь на секунду, и я уже готова была к чему-то явно сумасшедшему, чтобы это продолжить, хоть и смелости мне всегда не хватало. Мужчина снова грубо нажал на пульсирующий комочек нервов меж моих ног, а другой рукой вытащил мою изо рта, тем самым высвободив наружу громкий вздох.

– Я хочу, чтобы ты запомнила это, когда будешь уходить. Это мой тебе подарок за доставленные эмоции. А это небольшое наказание. За мои статуэтки. – Он лизнул мочку моего уха, и когда я подумала, что вот-вот распадусь на части в прямом и переносном смысле, когда искры готовы были сыпаться из глаз, этот.

Он просто остановился. Ушел. Я вцепилась сильнее в дверную ручку, обеими руками, когда мои ноги подкосились. И я клянусь, что никогда так не злилась, буквально на всех. На этого мерзавца, и все же, наверное, больше всех на себя.

– Второй пункт. Ты его провалила.

Я все еще стояла у двери и тяжело дышала не в состоянии обернуться, от стыда, от злости, от чего-то еще, чего я так до конца и не познала.

– Знаешь, это даже хорошо, мне в удовольствие поработать над этим.

О каких пунктах он вообще говорит?!

Мне хотелось его убить в эту самую минуту, и прежде у меня никогда не возникало таких мыслей относительно кого-то. Теперь, понимаете, насколько я зла?

– Открой дверь. – Мое дыхание теперь в норме, но держать эмоции при себе – никто не отменял, я старалась говорить спокойно, насколько это возможно.

– Ты напряжена. Я понимаю. Подойди сюда.

Я медленно обернулась, мужчина стоял опершись на край стола и равнодушно смотрел на меня. Неужели, его вообще нельзя вывести из строя? Я имею ввиду, нельзя быть таким снобом двадцать четыре на семь, это просто невозможно. Если я и стараюсь скрыть настоящие эмоции то, блин, они все равно отражаются на моем лице, как бы я того не хотела. Мои глаза. Да, даже моя кожа может выдать чувства с потрохами. Может это у меня какие-то проблемы с контролем?

– Я могу остаться здесь на ночь, русалочка, но вижу, ты куда-то спешишь.

Я выпрямилась и поправила вздернутый край футболки, затем несмело шагнула вперед.

– Покончим с этим. Чего Вы хотите?

– И снова на «Вы», я чувствую себя старым.

– Не хочу переступать границу официальности. Говорите, что нужно и я пойду.

– Право твое. Но мы уже ее переступили. – Он взглянул на меня исподлобья, пока отделял какой-то лист бумаги от другого.

– То, что Вы. То, что Вы делали.

– Скажи это.

– Я даже не хочу это вспоминать.

И тут он сделал то, чего я никак не ожидала – запрокинул голову и рассмеялся. Я даже вздрогнула от неожиданности и, на мгновение показалось, будто этот смех может быть настоящим, и не важно, чем он вызван, но я ошиблась, потому что уже через секунду, как по щелчку, все встало на свои места.

– Прости, но мне, кажется, ты вряд ли об этом забудешь. До следующего раза, точно.

Что? Такое самомнение присуще либо полным идиотам, либо настоящим ублюдкам.

– Следующего раза не будет!

Я ринулась вперед, но затем резко притормозила, не желая быть к этому человеку ближе, чем на расстоянии вытянутой руки. И если честно, после сегодняшнего, видеть мне его вообще больше не хотелось.

– Пойми меня правильно. Меня не интересует секс, в том смысле, в котором он может быть. С тобой. – Последнее он произнес особо четко, как бы намекая. Я не поняла, это сейчас оскорбление было? А вообще-то мне все равно! Даже в худшем сне в своей жизни я бы не легла с ним в постель. Вот. Конечно, самое отвратное то, что между ног все еще предательски ныло. Н.Е.Н.А.В.И.Ж.У. Да, именно так, прямо, заорать охота.

– Значит так. Или Вы открываете дверь, или я вызываю полицию. – Я вытащила старенький мобильник из заднего кармана штанов и сделала вид, будто набираю номер. И почему бы мне на самом деле это не сделать?

– Заполни это. – Он протянул мне лист бумаги и ручку, а я уставилась на все это, как дура.

– Вы издеваетесь надо мной?

– Отчего же?

– Я говорю, что полицию вызываю.

– Плевать я хотел на твою полицию. – Брюнет вырывает у меня телефон и демонстративно засовывает в карман своих брюк.

Я усмехнулась.

– Было бы плевать, не забирали бы телефон.

– Не будь глупой. Ты сама себе выстраиваешь препятствия. – Мужчина достал мобильник и протянул мне обратно, я поспешно его забрала и сунула в карман. Вряд ли полиция здесь поможет. А напугать не получилось.

– Ладно. Что это?

Я забрала из его рук лист бумаги и принялась читать. Бред какой-то. Похоже на анкету. Но если бы не чересчур странные вопросы, особенно для приема на работу. Например, зачем ему размер моего бюста, обуви и группа крови? Это, как минимум, странно. Никаких вопросов об образовании, навыках или чего-то подобного. Хронические заболевания, генетические заболевания. Абсурд!

Я покосилась на мужчину и вырвала из его руки ручку. Заполнить этот бред не составит труда, но зато я уйду отсюда, что уже давно хочу сделать. Быстро разделавшись со всеми пунктами, я отдала мужчине эту дурацкую анкету, по которой, он за какие-то пару секунд, пробежался глазами и положил на стол. Ни одной эмоции на его лице за это время не проскользнуло.

– Все? Я могу идти?

– Не спеши так. – Он протянул мне еще один лист и, я осторожно взяла его.

– Что это?

Я как бы понимала и как бы не очень. Все приличные слова из головы повыскакивали, когда я стала читать каждый пункт и подпункт этого безумия.

– Договор. На один месяц. Испытательный срок.

– Договор на что? На рабство?

– Ты же хотела работу.

– Я никогда это не подпишу!

– Никогда не говори никогда.

Я прыснула и бросила бумагу. Хотела на стол положить, но получилось так, что та приземлилась на пол и для пущего эффекта я еще ногу на нее поставила. Брюнет проследил за моим движением, а затем вернул взгляд к лицу. Наверняка, он видел в нем недоумение. Конечно. Чего только «беспрекословное подчинение» стоит, или «полный разрыв личных контактов». Остальное даже воспроизводить не хочется.

– Я хочу уйти. – Заявила я твердо, хоть внутри меня почему-то трясло. Сердце грохотало так, что я боялась, ребра сломает. Инстинкт самосохранения, у меня, по крайней мере, работает.

– Назови свою цену.

– У меня нет цены. Люди не продаются.

– Все продается, если у тебя есть деньги. Еще скажи, что они тебя не интересуют.

– Меня не интересуют Вы и Ваше предложение.

– Один месяц. Если ты мне не подойдешь, мы попрощаемся ровно через месяц. У тебя будет все, что ты захочешь.

– Кроме свободы. Возможно, чести.

– Ты свободна сейчас? Дай-ка напомнить, ты была на побегушках у моего брата, я освободил тебя.

– Это называется курьер, в том мире, где я живу.

– Я иду на отчаянные меры, русалочка. – Он делает шаг вперед. Затем еще один. И последний, едва оставляющий пространство между нами. – Я дам тебе неделю. Подумать.

Брюнет едва поддел пальцем небольшую прядь моих волос, выбившуюся из хвоста и, продолжил:

– Назови свою цену. Я даю тебе такой шанс. Потому что когда ты снова окажешься передо мной, такой возможности больше не будет.

– Я. Не. Продаюсь. – Мне даже подбородок пришлось повысить поднять, чтобы выглядеть убедительнее. Деньги, это все, что меня сейчас волнует, но пока есть время, я из кожи вон буду лезть, чтобы их заработать. Честно.

И я не знаю, что такого сделала или сказала, но на безэмоциональном лице заиграла легкая ухмылка, которая была предназначена только для меня, словно она захлопывала какой-то капкан, но я ведь знала, что это не так. Не так!

Мужчина обошел меня, едва задев пиджаком мою руку, я обернулась. Он молча открыл дверь, и я, наконец, выдохнула, когда оказалась настолько близка к выходу из этой «клетки безумия».

– До встречи, Ариэль.

– Прощайте.

Даже когда я вернулась домой, его запах преследовал меня повсюду. На кухне, в прихожей, в моей комнате. Я стянула с себя одежду и бросила в стиральную машину, включила горячую воду в душе, такую, что прямо во мгновение делала кожу красной. Я намыливалась несколько раз, натирала кожу мочалкой до боли, помыла волосы два раза, и я все еще ощущала ЕГО. Он словно плотно засел в моей голове, и когда я закрыла глаза, вместе с запахом появилась картинка. Равнодушное лицо и мягкие прикосновения к коже, затем настойчивые пальцы, доводящие до безумия. А потом издевательское отступление.

Внизу живота снова заныло и, я захныкала, продолжая натираться мочалкой. Нужно просто избавиться от этого запаха, вот и все.

– Мне даже нос пришлось промыть.

Кофе уже остыл, пока я вкратце рассказывала Идке о том, что сегодня произошло, пришлось заказать новый и естественно, ошпарить язык кипятком. Конечно, я умолчала о многом. О пунктах договора, например. О том, что я была почти на грани чего-то отвратительно безумного.

– Теперь ты понимаешь, почему я не пойду на этот «шпионаж»?

– Не-а.

Все это время она сидела и заворуженно слушала мой рассказ, и это было первое слово, которое она проронила за последние полчаса.

– Ида! Не говори ничего Владиславу Романовичу. Я просто хочу скорее забыть это и найти нормальную работу.

– Ты возбудилась?

– Что?

– Ты возбудилась, Макаренко! – Она буквально подпрыгнула от радости, словно кусок «Тирамису» увидела.

– Да иди ты.

Глава 7

Уснуть удалось только к утру, постоянно лез в голову этот треклятый сумасшедший. Весь день проторчала в Настькином ноутбуке, юзала разные сайты в поисках работы. Десять фирм мне отказали из-за отсутствия машины, четыре неохотно пригласили на собеседование, но вопрос зарплаты не оправдывал мои ожидания, поэтому мы быстро прощались.

Я всегда пугливо отношусь к телефонным звонкам, потому что звонить-то особо некому, и всегда, как только раздается этот раздражающий писк моего мобильного из прошлого десятилетия, я думаю «Мама». В этот раз я просто насторожилась, потому что номер был незнакомый. Трубку брать не хотелось, но все же пришлось. А мало ли?

– Алло?

– Кира. Здравствуйте. – Вот те на! Чей голос в телефоне услышать никогда не ожидала, так это его. Узнала сразу.

– Здравствуйте, Владислав Романович.

– Вы не слишком заняты?

– Эмм, да нет. – Ага, благодаря Вашему братцу.

– Что если я заберу Вас через час и мы поужинаем где-нибудь?

Пауза. Хотелось сразу сказать «нет». Но что я потеряю? Буду честна с собой, если этот человек по какой-то нелепой случайности заинтересован во мне, то в чем моя проблема? Я не должна отказываться. Не должна и не буду.

– Хорошо.

– Вот и отлично. До встречи.

– До встречи.

По правде, даже настроение немного поднялось. А что? Он теперь не мой босс, и друзей у меня практически нет, а если не буду ни с кем общаться, совсем одичаю. Мне даже захотелось, что хорошее сделать, например, одеться не как обычно и вообще нацепить ту рубашку и брюки, что бывший начальник подарил. Чего добру пропадать.

Ровно в семь вечера белая иномарка босса уже стояла у моего подъезда. Мужчина вышел из машины, поздоровался и даже дверь для меня открыл. Одет был как обычно: строго и со вкусом.

Всю дорогу я пялилась в окно и гадала, куда он меня привезет, возмущаться как-то уже не хотелось, то ли настроение не то, то ли совершенно другое волновало. В конце концов, какая разница, где мы будем есть. Одета, я вроде не как подросток с улицы, можно идти в ресторан. Я видела, что мужчина иногда поглядывал на меня, но старалась якобы не замечать этого. Интересно, о чем он думает?

Узкая улочка, украшенная разноцветными огнями, которые вот-вот, как только стемнеет, будут освещать всю улицу, навевала какую-то детскую радость на меня. Было так тихо, что казалось невозможным, живя в мегаполисе.

– Я подумал, Вам будет комфортно здесь. Идемте.

Парковка находилась в нескольких метрах от того места, где мы остановились. «Роза Азалия», так называлось местечко, украшенное цветами и расписным деревом снаружи.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/o-mell_dzhuli/ty-moy-trofeiy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)